

ПОЛКОВНИК
АНДРЕЙ ИЛЬИН

ЗЛЫЕ СТВОЛЫ

ПОЛКОВНИК

Андрей Ильин

Злые стволы

«Автор»

2022

Ильин А. А.

Злые стволы / А. А. Ильин — «Автор», 2022 — (Полковник)

Снайперы, аквалангисты, арбалетчики, следопыты – кто только не участвует в кровавом конфликте между спецотрядом КГБ и подразделениями Главного разведывательного управления. Профессионалы воюют с профессионалами, демонстрируя высокое боевое мастерство. Но ни те, ни другие не догадываются об истинной цели этой беспощадной схватки. И только в конце немногие уцелевшие понимают суть зловещей игры, в которую они втянуты. (Первая часть).

© Ильин А. А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	31
Глава 11	32
Глава 12	34
Глава 13	35
Глава 14	36
Глава 15	40
Глава 16	43
Глава 17	46
Глава 18	48
Глава 19	50
Глава 20	52
Глава 21	54
Глава 22	57
Глава 23	61
Глава 24	63
Глава 25	64
Глава 26	65
Глава 27	67
Глава 28	69
Глава 29	71
Глава 30	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Андрей Ильин

Злые стволы

ЧАСТЬ I

Глава 1

Реорганизация всегда случается сверху. И всегда неожиданно. Примерно как мешок из-за угла. Ты идешь вечером полный сил, желаний и честолюбивых планов, а через мгновение лежишь, повергнутый в грязь и тлен. Потому что так захотел неизвестный и не замеченный тобой в темноте грабитель. Или вышестоящий начальник. Не суть важно. Прием что у того, что у другого один и тот же – без предупреждения, из-за угла и сразу наповал. Из князи – в грязи.

– Ты телевизор смотришь? Ты видишь, что творится в стране? – спросил генерал.

Полковник кивнул. Телевизор у него был хороший, импортный. И еще был целый отдел в подчинении, который в том числе занимался и тем, что собирал информацию. Он был в курсе текущих дел.

– Короче – готовься к худшему. Не сегодня-завтра начнется большая перетасовка.

– Насколько большая?

– Очень большая. Штормовая. Двенадцатибалльная. Боюсь, половина кресел очистится от восседавших на них задниц. С треском.

– Чем это вызвано?

– Скажем так – общей политической ситуацией в стране. Довольно?

– В какой мере это может коснуться моего отдела?

– В такой же, как и всех прочих.

– Урезание бюджета?

– Если бы только бюджета...

– Кадровые сокращения?

– Вплоть до расформирования. Полного. Полковник только крикнул.

– О чем они думают? Это же последнее боеспособное подразделение, которое еще хоть что-то может.

– Они не думают. Они делят власть.

– Приказ уже подписан?

– Приказ на столе у Хозяина. Подпись под ним – вопрос лишь дней. В лучшем случае – недель. Он может потянуть время – но не более того.

– Существует ли возможность повлиять на положение дел?

– Нет, вопрос предрешен. За нас взялись всерьез. За всех. Им не нужна сильная безопасность. Она их пугает. Мы последние, кто еще как-то способен отслеживать ситуацию в стране. Убрав нас, они смогут наконец развязать себе руки. Они же демократы. Они за свободу... телодвижений.

– Почему начали с меня?

– Еще не начали.

– Хорошо, почему начнут с меня?

– Ты сам только что ответил на этот вопрос. Потому что ты наиболее боеспособное подразделение. Вначале нейтрализуют самых опасных. Остальных добивают потом. Или оставляют, если они не гавкают и пальцы новым владельцам лизжут.

– Что говорит Хозяин?

– Ничего. Матерится По-черному. И грозит застрелиться. Публично, на депутатской трибуне.

– Но он же может выйти на Первого. – Первому не до нас. Первый сам качается. Чтобы остаться у власти, он должен сдавать своих сторонников. Каждый день по одному. А лучше по два. Откупаться жертвами, приносимыми на алтарь демократии. Если он напрямую выступит на защиту Хозяина, его сковырнут. Ты сам знаешь, какое общественное мнение создано вокруг нашей организации. Как в детских сказках о Кощее Бессмертном – одни только черные краски, страхи, проклятья и угрозы. Кто сегодня с нами – тот против всех! В общем, все идет, как и должно идти в случаях, когда под пятками начинает разгораться огонь. Первый сдает безопасность, чтобы спасти себя. Хозяин в свою очередь жертвует твоим отделом, чтобы уберечь от разгрома всю Организацию. Как гидра – предпочитает лишиться конечностей во имя сохранения головы. Вряд ли, конечно, сохранит, но хотя бы посопротивляется.

– Насколько изменившаяся обстановка способна повлиять на поставленные передо мной оперативные задачи?

– Какие на хрен задачи! Тебе не о задачах надо думать – о чемоданах! Кому нужен штурман с его компасами и картами на корабле, который идет ко дну. Спасаться надо. И людей спасать! Соображаешь? Не осталось у тебя других текущих задач, кроме своевременного оформления пенсии и покупки загородного садово-огородного участка. Как ты насчет выращивания морковки и тыкв в промышленных масштабах?

– Негативно, – честно признался полковник. – Посадить еще сумею, благо опыт есть, а вот все прочее... Честно говоря, предпочел бы остаться в деле. На любой должности.

– Ну, тогда пошли потолкуем, так сказать, в приватной обстановке, – предложил генерал, распахивая неприметную дверь в углу кабинета.

Здесь, в отдельной комнатке, помещался «походный» диван, умывальник, холодильник и бар. И все прочее, что может потребоваться человеку для нередких ночных бдений. Если он, конечно, действующий генерал, а не избалованный роскошью сибарит.

Об этой «штабной землянке» знали многие, но почти никто из них не догадывался еще об одном назначении импровизированного хозблока. Внутри его можно было говорить без боязни, что тебя услышат чужие электронные или натуральные, из мяса, кожи и барабанных перепонки, уши. Стены комнаты были надежно защищены от проникновения внутрь чужих, равно как и своих, любителей не предназначенных для них секретов. В этом и было ее главное предназначение. Не в роскошном, отделанном красным деревом кабинете, именно здесь, на походном диванчике, проходили самые важные совещания и обсуждались самые конфиденциальные вопросы.

Полковник сюда допускался всего несколько раз.

– Садись, – предложил генерал – Что пить будешь? Коньяк, водку, виски?

– Цианид, – горько пошутил полковник.

– Брось, Григорий Степанович. Все обстоит не так плохо, как кажется. А гораздо хуже. Держи.

Стакан был холодный. Водка крепкая. Разговор душевный.

– Просрали страну. Мать их! Весь мир в кулаке держали. Вот так. Не пикнешь! А теперь самих себя защитить не умеем! Позор! Нас под бюрократический топор пускают – а мы молчим. Эх, сказал бы мне кто о таком лет десять назад. В глаза бы рассмеялся! Что молчишь, полковник?

– Размышляю.

– Тут размышляй, не размышляй, один хрен – все мы в дерьме по самую макушку сидим. И я, и ты, и Хозяин.

– Черт бы с ней, с должностью, с выслугой. Не о них разговор. За дело обидно, – расстраивался полковник. – Сколько сил положено, чтобы подразделение сформировать, чтобы ребят подобрать, обучить, на боевых обкатать. Стоило ли десять лет пупы рвать, чтобы разом погибнуть под единым росчерком пера? Как под танком.

– Верно мыслишь. Не о нас толковище – о деле. Сегодня развалим – завтра по крупичкам вновь собирать начнем. И не соберем. Таких уже не соберем. Силенок не хватит. Все у нас через задницу выходит, все через – «до основания, а затем...». А на хрена мне затем, которого я не увижу. Мне сейчас работать хочется, здесь Я боевой генерал. Мне скучно на пенсии баклажаны пассеровать и внукам сопли подбирать. Я в живом деле вариться хочу

– Н-да! – соглашался полковник, поднося ко рту новый стакан водки – «Затем» – это уже не про нас.

– Ну хорошо, пусть мы им не подходим. Биографиями своими. Или мордами. Или еще чем. Ну, не вмещаемся в их калашный ряд. Понимаю. Уберите нас. Закопайте. Но систему, машину не ломайте. Ее годами собирали, настраивали. Как орган. Она же рабочая. В ней же каждая шестеренка на своем месте и в нужную сторону крутится. Не нравится – создай новую, потом круши прежнюю. Ну ведь никто до переезда в новый дом старый не сносит. Понимает, что под открытым небом хуже будет, чем даже в самом неприглядном, но жилище. А эти сносят! До основания! Ну кто они – дураки? Или что похуже...

– Может, и похуже.

– Может быть...

И все же это был еще не разговор – так, застольная трепотня. Присказка. Сказка была впереди.

– Ладно, поплакались, и будет, – сказал генерал, переворачивая пустой стакан вверх доннышком. – Пора и к делу.

Полковник давно ожидал подобного поворота. Он не был настолько наивен, чтобы предполагать, что генерал пригласил его ради одной только застольной беседы. Генералы с подчиненными на брудершафт не пьют. На тот случай у них имеются другие генералы.

Полковник отставил недопитую водку, выпрямился, подобрался и разве только каблукми не щелкнул. Общение кончилось. Началась служба.

– Ходить вокруг да около не хочу. И не буду. Не так воспитан. Меня не устраивает положение дел, когда Комитет лишают наиболее боеспособной и опытной части персонала. Я не могу позволить разбрасываться кадрами, на обучение которых угрохана прорва государственных денег. Это нерационально. И просто глупо. Уволить сегодня их в отставку – значит подарить криминальным структурам. И даже не получить компенсацию за связанные с этим моральные и материальные издержки. Считаю, что опытные бойцы, которыми укомплектован твой отдел, не пойдут служить водителями трамваев или продавцами газет. Считаю, что на гражданке они будут продолжать делать то, что умеют делать. То, чему их учили много лет. А учили их добывать информацию, отслеживать противника и обезвреживать его в самой сложной оперативной обстановке. С такими навыками каждому из них прямой ход в криминальный мир. Я не хочу, чтобы мои люди из-за головотяпства недоумков-политиков пополняли ряды нашего потенциального противника внутри страны. Я не хочу иметь их по другую сторону баррикады. И в то же время я не могу нарушить приказ. Отдел будет расформирован. Выход?

Выход был очевиден и неприятен. Как обязательное патологоанатомическое вскрытие.

Во все времена все спецслужбы оберегали свои секреты единственно гарантированным способом.

– Чистка?

– Нет, не чистка. Мне не нужны мои люди в стане врага, но не нужны и в покойниках. Они нужны мне живыми и дееспособными. Чтобы потом, когда этот бардак закончится, иметь

укомплектованное, готовое мгновенно приступить к исполнению обязанностей ядро. Кадровое ядро. Костяк будущей Организации. Это понятно?

Полковник кивнул.

Это было более чем понятно. Только дурак способен добровольно расстаться с профессионалами подобного класса. Это тот же капитал, только не в золотых слитках, а в человеческой плоти и крови. И ценой такой же, если не дороже.

– Предлагаю – приказывать не могу, не тот случай – продумать мероприятия, направленные на сохранение кадрового состава и материальной части вверенного тебе подразделения. Вплоть до выхода за рамки ныне действующего законодательства. Если, конечно, ты посчитаешь данное предложение приемлемым. Если нет...

Полковник не был дураком и служил не в артели вольнонаемных инвалидов, где, осерчав на начальство, можно было не выйти на работу или подать на него жалобу в профсоюз. Полковник работал там, где работал. Там, где не умеют отличать просьбу от приказа.

Наверное, он может отказаться от последовавшего предложения, но, наверное, тогда за него его работу сделает другой. После его ухода. Безвременного.

В Комитете для работников его уровня и его профиля в такого рода делах возможна только одна форма самоотвода – посредством поднятия дула табельного оружия на уровень виска. Те, кто не принимал подобных условий игры, отсеивались на ранних этапах продвижения по служебной лестнице или уходили на более спокойную административную работу.

Полковник не мог отказать генералу. Хотя бы по той простой причине, что отказа от него не ждали. И не приняли бы. Одно то, что генерал высказал ему подобную просьбу, уже говорило о том, что его кандидатура была стократно обсуждена, просчитана, проверена и утверждена. Никто не станет доверять столь опасную (для всех опасную) информацию человеку, в преданности которого не уверен. Равно как не найдется человека, знакомого с правилами игры, способного такую просьбу отклонить.

– Каким временем я располагаю?

– Три недели. Максимум.

– К какому сроку следует представить свои соображения?

– К двадцати часам завтрашнего вечера.

– Разрешите идти работать?

– Да погоди ты частить. Вон водка еще в бутылке осталась. И закуска. Я же не хроник, чтобы в одиночку их добивать...

Глава 2

Оставшихся до назначенного срока двадцати девяти часов для такой работы было мало. Но если честно, то мало было бы и сорока. Да, пожалуй, и четырехсот. За всю свою почти двадцатипятилетнюю службу Григорий Степанович не решал задач подобного рода в такие невероятные сжатые сроки. То, что созидалось десятилетиями, невозможно демонтировать, переместить и собрать вновь в другом месте за две-три недели. Если, конечно, не курочить с помощью кувалды и какой-то там матери.

Курочить было жалко. Отдел был родным. Как говорится, от плоти и крови. Ну, какой родитель согласится ради убыстрения процесса переодевания малыша в новый костюмчик выломать ему мешающую руку. Или ногу.

Отдел создавал Григорий Степанович.

И Первый.

Еще будучи выпускником спецучилища КГБ, курсант Григорий Зубанов в дипломном проекте обосновал полезность универсального, так сказать, «на все случаи жизни», мобильного подразделения, совмещающего в себе как боевые, так и аналитические возможности и предназначенного для использования в экстраординарных условиях. То есть в условиях, когда времени на организацию взаимодействия «родов войск» и на вытекающие отсюда бюрократические увязки и согласования нет.

В те времена господствовала концепция специализации и укрупнения, когда каждое управление службы безопасности гребло исключительно под себя, и курсанта не поняли. Диплом завернули и заставили переписать набело, предложив какую-то избитую, но беспроигрышную тему. Курсант диплом переписал, успешно защитился, был выпущен и направлен для дальнейшего прохождения службы.

Через полгода беспорочной службы новоиспеченного лейтенанта вызвали к замначальника Первого главного управления.

– Ваша работа? – спросил генерал, показывая сданный в архив первый вариант курсантского диплома.

Откуда он у вас? – удивился лейтенант.

– Можете считать, от верблюда.

Лейтенант был уверен, что первый вариант диплома давно сгорел вместе с прочей макулатурой в ведомственных топках. Даже у него не осталось никаких черновиков, «шпаргалок» или даже «заметок на полях». Выпускникам училища из соображений режимности никаких записей выносить за пределы родной альма-матер не разрешалось.

Лейтенант не знал, что в учреждении, в котором он работал и намеревался дорасти до маршала, бумаги не пропадают.

– Скажите, сколько времени вам необходимо для того, чтобы сформулировать изложенные здесь мысли вновь? Но уже в разрезе практики.

– Недели две.

– Я даю вам три дня. От текущей работы вы освобождаетесь. Рапорт представите лично мне в семнадцать тридцать пять в пятницу

– На чье имя писать рапорт?

– Ни на чье. В месте, где должен быть указан адресат, оставьте пропуск. Вы свободны.

Подготовленный рапорт лег на стол Первого.

Виновником столь сказочной – из грязи в князи – метаморфозы, случившейся со списанным в брак дипломом, был научный руководитель курсанта Зубанова. Выйдя в отставку, он написал ругательный рапорт на начальство училища и царящие в нем порядки. Рапорт был

хорошо аргументирован и дополнен фактическими материалами. Как один из примеров разгильдяйства была приведена выбраковка диплома одного нестандартно мыслящего выпускника.

Кляуза возымела действие. В училище прибыла комиссия, которая тщательно проверила все изложенные в рапорте претензии. В том числе и по забракованному диплому.

Факты подтвердились, командование училища было смещено, программы пересмотрены.

Кроме главной цели, установления истины в конфликте преподаватели – администрация и проверки качества обучения в училище, была достигнута еще одна, побочная. Один из членов комиссии, в недавнем прошлом действующий командир разведывательного спецподразделения, сумел оценить изложенную в дипломе концепцию. Он сам в бытность свою бойцом не раз страдал от неповоротливости административно-управленческого аппарата и знал почем фунт бюрократического лиха. Изложенная в дипломе идея легла на хорошо удобренную тысячами объяснительных, рапортов и согласований почву.

Член комиссии, присовокупив собственное заключение, передал диплом в руки своих, занимающих не последнее место в табели о рангах в безопасности, друзей. Таким образом диплому были «приделаны ноги».

Возможно, на этом бы все и закончилось, если бы в управлении в это время не обострилась междоусобная война. Новое поколение нащупывало одряхлевший кадык старого. Старое – задавливало молодежь своим заслуженным авторитетом. Обычная учрежденческая история вне зависимости от того, где она происходит – в жэке, НИИ или КГБ.

Забракованный диплом очень пригодился кому-то в качестве аргумента в теоретическом споре.

Таким образом, о дипломе узнал Первый. Преследуя свои, тоже не безгрешные, цели, Первый затребовал дополнительный материал.

Рапорт был представлен в три дня.

Перечисленные в конце рапорта аргументы в пользу предложенной идеи были неубедительны и отдавали детством. Но сама идея была очень перспективна. Не Комитету. В первую очередь лично Первому. Ему необходимо было боеспособное, совмещающее в себе функции всех прочих управлений, легкое на подъем подразделение. Подразделение, не подчиняющееся никому. Кроме Первого.

Первым тогда был Андропов.

«Принять к рассмотрению», – наложил резолюцию Председатель Комитета государственной безопасности.

– И вызывать ко мне этого, как его, Зубанова.

– Когда?

– Сейчас.

– Лейтенант Зубанов прибыл по вашему распоряжению!

– Вы уверены в идее, которую здесь изложили? – спросил Первый.

– Так точно! – ответил лейтенант так, что стекла в окнах зазвенели.

– Не орите так. Вы готовы проводить ваши идеи в жизнь лично?

– Готов!

– Вы понимаете все связанные с этим сложности?

– Конечно!

Ни черта он не понимает, подумал Первый. Но это не страшно. Незнание бывает порой сильнее смелости. Битый часто не способен решиться на то, на что очертя голову идет небитый. К тому же он автор, молодой и, значит, тщеславный автор, и будет биться за свое детище до конца. И это очень хорошо.

Но еще лучше, что он человек без протекции, что он никак не связан с прочими друзьями-командирами. Хотя бы потому, что до сего момента был им неинтересен. Он был никем.

Пусть этим «ником» он и остается в дальнейшем.

– Напишите, что вам необходимо на первых порах для создания отдела. Я постараюсь что-нибудь для вас сделать. Курировать вас будет полковник Слепнев. Вы свободны, старший лейтенант.

– Я просто лейтенант.

– Нет, вы старший лейтенант. А по должности как минимум капитан. Идите и работайте. И постарайтесь превратить должность в звание. Это зависит только от вас.

Как ни был наивен лейтенант, он понял, что его прикармливают. И что, если он хочет питаться так и дальше, ему надо служить Хозяину. Только Хозяину и никому больше.

Так начал существовать отдел.

Потом он шел в гору. Потом катился под гору, потому что менялись Первые, те, кто над ними, и общая политическая обстановка в стране. И снова поднимался. Расширялся. Сокращался. Переподчинялся. Почти закрывался. Но, несмотря ни на что, выстоял.

До сего дня.

Завтра он должен был умереть.

Или сделать вид, что умер. Но так сделать, чтобы все в эту смерть поверили.

* * *

Честно говоря – дело почтидохлое. Ну или полудохлое, на грани смердения. Вывести из-под опеки Комитета полста его работников, рассредоточить по стране, залегендировать их новый образ жизни, обеспечить надежную двустороннюю связь, оборудовать склады для хранения специального оборудования, которое, что само по себе задача почти невыполнимая, надо еще умудриться списать и изъять со складов, не подняв при этом лишнего шума.

И еще без счета мелких, имеющих привычку в процессе работы превращаться в крупные, проблем.

Как безболезненно свернуть находящиеся в производстве дела?

На кого в первую очередь опереться в столь щекотливом деле?

Как психологически подготовить людей к продолжению службы вне стен Комитета?

Поставить перед фактом, зачитав приказ о роспуске на все четыре стороны некогда элитарного и особо секретного подразделения? И предложив альтернативу?

Может быть. С обидевшимися, выгнанными на улицу «сокращенцами» столкнуться легче. Надо только постараться, чтобы условия отставки выглядели пооскорбительнее и пожестче.

Но как нейтрализовать обязательный многолетний пригляд Комитета за своими бывшими, служившими в спецподразделениях, работниками?

И где взять средства для материального стимулирования отставников? Без финансовой подпитки, на одном только энтузиазме, они долго не продержатся.

И как быть с оружием? Его бывшим владельцам при выходе в отставку в виде выходного пособия не выдают. А без него спец все равно что скрипач-виртуоз без скрипки. Может, конечно, за неимением лучшего сыграть и на балалайке, но это будет уже совсем другая музыка,

Вопросы. Вопросы. Вопросы.

И ни одного по-настоящему вразумительного ответа.

Единственное, что сразу приходило в голову, – это банальный поджог. И гори оно все синим пламенем!

Оружие и взрывчатку, хранящиеся на разных складах, под каким-нибудь благовидным предлогом собрать под одну крышу... С помощью заранее подготовленного направленного

взрыва разнести все это к чертовой матери... Для введения в заблуждение экспертов использовать соответствующие муляжи, изготовленные из обычного стрелкового оружия. Чтобы вес имущества и обгоревшего металлолома совпал до грамма... И пожар начать не со склада, а с соседнего здания. Что не так подозрительно... Снаряжение сконцентрировать на промежуточном тайнике, и оттуда...

Белиберда какая-то! Детский лепет. Они же каждую обгорелую железку перешуляют, каждый грамм пепла под микроскопами пересмотрят. И рано или поздно обнаружат подмену. Ведь не о сгоревших спичках речь идет. Единственно, что подобным приемом можно выиграть, – так это только время.

Остается нападение злоумышленников на склад...

Хотя какие к дьяволу злоумышленники, если об этих складах ни единая посторонняя душа не знает?

Так, здесь явный тупик.

Теперь деньги. Где раздобыть деньги? Много денег...

В двадцать ноль-ноль следующего дня полковник докладывал свои соображения. Не те, уж совсем примитивные, со случайными пожарами и нападениями неизвестных злодеев на спецсклады. Но не намного лучше.

– Бред сивой кобылы! – вынес безапелляционную резолюцию генерал, выслушав доклад. – Сплошные узкие места. Сплошные надежды на авось и небось. Это не работа. Я с ходу могу указать на два десятка потенциально провальных моментов...

Полковник не возражал. Полковник стоял навтыжку, молча принимая нелицеприятную критику. Справедливую критику. Он был согласен, что это бред. Сколь бы убедительным он ни выглядел на взгляд непрофессионала. Оправдываться, ссылаясь на нехватку времени, на то, что для решения задач подобного масштаба мало одних суток и одной головы, ему в ум не приходило. Начальство интересовал результат, а не аргументация отсутствия такового.

– А знаешь, почему у тебя ничего не вышло? – вдруг спросил генерал. – Потому что вместо того, чтобы думать, ты задницей вертел во все стороны. Чтобы не дай бог никого не обидеть. И дело хотел сделать, и начальству угодить, и ручек не замарать. Так не бывает, чтобы и нашим и вашим! Чтобы рыбку съесть и сам знаешь на что сесть! Не бы-ва-ет! Если хочешь получить результат – сосредоточься на результате, а не на его негативных, лично для тебя, последствиях. Рассортируй задачи по порядку их значимости. От сложного к простому. Выдели главное. И от этого главного, как от печки, начинай плясать. Ну?

– Вывести людей, организовать им легенды, прикрытие и связь. Обеспечить материальную часть. Финансы... – определил очередность проблем полковник.

– Нет. Ошибка. Это все проблемы второго плана. Так сказать, послесловие. Не о них надо думать. О главном. А главное – это сохранить тайну операции. Любой ценой сохранить! Потому что от этого зависит все прочее, в том числе и жизнь твоих людей. И твоя жизнь. Усек? Отсюда и надо строить все дальнейшие рассуждения. С сохранения тайны! А тайны всегда требуют жертв. Тебе нужны люди? Согласен. Но все ли люди тебе нужны? Все ли сто процентов личного состава? Сомневаюсь. Может, только половина. Или треть.

Или одна десятая. Лучшие из лучших. С другой стороны, способны ли они, все эти сто процентов, как один подписаться на такое дело? Или нет? Или найдутся сомневающиеся? Уверен – найдутся. И не один, и не два! Не на прогулку, не на пикник их зовем. И если ты потянешь тех сомневающихся за собой, ты подставишь всех остальных, по-настоящему верных делу!

Полковник начинал догадываться, куда гнет генерал. В нехорошую сторону гнул генерал.

– Теперь, допустим, ты выявил слабаков. Что с ними дальше делать? Брать с собой? Нельзя, потому что опасно. Смертельно опасно для всех. Оставлять? А где гарантии, что по поведению остальных они о чем-нибудь не догадаются? Что их слабость не перерастет в трусость, а трусость – в прямое предательство? Какой напрашивается вывод?

Вывод напрашивался печальный.

– Теперь следующая по очередности проблема. Твоя задача усложняется тем, что тебе нужно не просто уйти и увести своих людей, а прихватить с собой оружие и снаряжение. Немало – центнеров восемь-десять. Причем не простого снаряжения, а особо секретного, номерного, находящегося на спецучете. Исчезновение такого рода оружия в таком количестве на утку и потраву мышами не спишешь. Хватятся его – хлопот не оберешься. Весь Комитет под ружье поставят, чтобы выяснить, куда оно пропало. Согласен? Значит, надо его так взять, чтобы никто не догадался о его преднамеренном исчезновении. Или чтобы не с кого было спрашивать. А теперь давай состыкуем две проблемы. Эту и предыдущую. Что в случае пожара, наводнения или еще какого стихийно-запланированного бедствия, разрушившего спецсклад, предпримет начальство? Правильно – создаст комиссию, нагонит экспертов, вызовет на ковер ответственных за хранение лиц, допросит их с пристрастием, сравнит показания и результаты экспертиз и рано или поздно докопается до истины. А что сделает начальство, если спрашивать будет не с кого? Если, к примеру, имущество исчезнет не на складе, а за тридевять земель, где-нибудь в гнилом болоте, в полуметре от края мира? Например, во время выполнения боевого задания? Комиссию туда пошлет? Едва ли. Такая комиссия и сама пропасть может. В полном составе. Командира на ковер поставит? Вполне вероятно. Только кто показания этого командира проверить сможет? Тем более опровергнуть?

– Но это означает, что командир должен остаться один!

– Это еще ничего не означает. Это еще только предположение. Гипотеза. Теперь вернемся к людям. К тем, которые сомневаются. Спроси их, как бы они, случись им умирать, предпочли закончить свой век – в результате бытового несчастного случая, где ничего ни им, ни родственникам их не светит? Или на боевом – где и слава тебе, и орден на подушечке посмертно, и пенсия, и единовременное вспоможение семье? А? Я думаю, последнее. Если все равно умирать. А умирать, боюсь, все равно. Когда Комитету снимают голову, не до заботы об отдельных волосках на его макушке. И не до слез. Понял?

Полковник кивнул.

– Таким образом, одним выстрелом мы ухлопываем двух зайцев – нейтрализуем потенциально опасных в будущем людей и списываем на них утрату снаряжения. В общем, и овцы целы, и волки... мертвы. Согласен? Вот и хорошо, что согласен. Другого от тебя не ждал. Вот в этой плоскости и думай. Тогда и результат будет. И помни: сверхзадача – сохранение тайны. Общая тайна важнее судьбы отдельных людей. Включая твою и мою. Лучше пожертвовать еще несколькими жизнями, чем пожертвовать всем!

Глава 3

На этот раз план операции связался довольно быстро. Оно и понятно – нетрудно «придумать» то, над чем до тебя поломала голову бригада профессиональных «сценаристов». В спонтанное озарение мудрого начальника, случившееся пред глазами восхищенного тугодума-подчиненного, полковник поверить не мог. Даже если бы очень хотел. Реальная служба не популярный телесериал, где главный герой вынужден находить единственно верное решение в тридцать минут экранного времени. Потому что на тридцать первой начнутся «Новости».

Формулируя условия задачи, генерал уже знал на нее ответ. Ему важно было увидеть реакцию подчиненного, убедиться в его лояльности. И еще ему важно было, чтобы этот небезобидный план «придумал» кто-нибудь другой. Не он. Чтобы его придумал полковник.

Короче, влип полковник.

Правда, он по этому поводу особо не переживал. За время своей службы он привык подчиняться приказам и привык к неизбежным боевым потерям среди личного состава. В жэке и то несчастные случаи бывают, а он служил не в жэке. Что касается моральной стороны дела – переживаний по поводу того, что приходится отправлять подчиненных тебе людей на смерть, – то от них полковник, как от мешающих делу сантиментов, избавился еще во время первого «боевого», где ему пришлось лично, собственными своими руками ликвидировать сломавшего позвоночник напарника. Не однажды с тех пор полковник писал рапорта «на списание боевых потерь». Иногда, если одновременно гибли более двух-трех человек, ему устраивали разнос, лишали премий и очередных званий, но чаще всего молча принимали объяснения. И списывали. Война не бывает без жертв. А они воевали. Всегда. Даже когда все прочие занимались мирным строительством. Такая служба.

В этот раз единовременных жертв требовалось больше, но и конечная цель была несравнимо выше. Она оправдывала средства.

Полковник сел перед чистым листом бумаги и расписал на нем чужие жизни. Как фигуры в шахматной игре. Кому первому попасть под сруб, кому второму, а кому оставаться на доске почти до самого конца партии. Для себя он не сделал исключения. Себя он тоже включил в игру, в которой мог погибнуть в любой следующий момент.

Глава 4

Нет лучшего места для частного разговора, чем баня. Русская. С каменкой, полком, хорошим березовым веничком и стаканчиком водки под душевный разговор.

Особенно если перед тем разговором ее прокалить градусов до ста пятидесяти, а до того обшить стены под декоративной карельской березой специальным экранирующим материалом.

– А ну-ка, Петро, наддай жару!

Вода из ковшика, упавшая на раскаленные камни, вскипела, поднялась густым паром, сползла от потолка к полку, обожгла глаза и глотки.

– Ох, хорошо! Ох, славно!

– Кому славно, а кому накладно. Нет, мужики. Я на воздух. У меня сердце.

– Брось, капитан. Это еще не жар – это еще только полжара!

– Это не полжара – это две трети инфаркта.

– Давно ли ты таким нежным стал?

– Давно. Как только под твое чуткое руководство попал.

– Ха-ха-ха!

– Ну ладно, я вас в предбаннике жду.

– Сиди! – твердо приказал полковник. – Не имей привычки поперек начальства из пекла вылазить. Сиди!

Пар осел. Стали видны голые тела молодых и не очень молодых мужчин, сидящих на ступеньках полка.

Мужчины парились в бане по служебной обязанности. Но не без удовольствия.

– Дежурный! Пива!

Внесли пиво. Хорошее, импортное, в запотевших стеклянных бутылках. Большинству из присутствующих, опять-таки не развлечения ради, приходилось бывать в дальнем зарубежье, и хорошее пиво от баночного они отличать научились.

– Ну что, будем?

– За хорошую компанию и добрый пар! Звякнуло стекло.

– А теперь, мужики, побалакаем. Жар казенный, его отрабатывать надо.

Все насторожились. В этой бане пустопорожних бесед не звучало. Даже когда говорили о вчерашней погоде.

– Я собрал вас, господа... офицеры, чтобы сообщить пренеприятную новость...

– К нам едет ревизор?

– И ревизор в том числе. Есть непроверенная информация о том, что в Комитете не сегодня-завтра могут грянуть крупные кадровые перестановки. Не исключено, что они коснутся и нашего отдела.

Кто-то вздохнул.

– И до нас добрались.

– Будет сокращение или нет, доподлинно я сказать не могу. Но считаю достаточным того, что оно может быть. При планировании операций всякое вероятное событие должно рассматриваться как событие неизбежное – так всех нас учили. Ждать подтверждения или опровержения слухов, лежа на жертвенном алтаре подобно агнцу, лично я считаю неразумным. Пока есть время, а значит, есть возможность в той или иной мере повлиять на ожидаемое решение, надо действовать.

– Что мы можем сделать?

– Не много. Но и не мало. Во-первых, подчистить все хвосты. Ни один даже самый въедливый проверяющий не должен обнаружить в нашей работе изъяна, за который можно заце-

питься. Во-вторых. Представить на рассмотрение руководства перспективные планы, исподволь аргументирующие необходимость сохранения подразделения в прежнем виде и составе. Так сказать, попытаться выбить клин клином. С той же целью провести полномасштабные учения. Чтобы показать товар лицом. Это будет третьим пунктом нашей программы. Четвертым – запуск в работу пары-тройки каких-нибудь долгоиграющих операций, завершение которых в случае роспуска отдела будет затруднено, а незавершение – грозить неприятностями всему Комитету. И, наконец, в самом крайнем случае, – пустил полковник пробный шар, – мы должны быть готовыми к сохранению отдела вне стен Комитета. Но это уже – в порядке гипотетического бреда.

Мужчины на полках зашевелились.

– Как это вне стен?

– Ну, скажем так: мы находим фирму, готовую на время реорганизаций принять нас под свое крыло. В полном составе, с сохранением жалованья и прочих выплат. Я так понимаю: наша основная задача на сегодняшний день – выиграть время. Политические перестановки кратковременны, как грибной дождь, а профессионалы нужны любой власти. Рано или поздно нас востребуют. Если будет кого востребовать. Не хотелось бы терять отдел, который хоть и открывался под меня, но создавался всеми нами вместе. Не хотелось бы за просто так отдавать плод своей и вашей почти десятилетней работы.

– Но это может быть истолковано как прямое нарушение приказа.

– Это не может быть истолковано как нарушение приказа. Если произойдет то, чего я опасюсь – это если еще произойдет, – то всех нас уволят из соответствующих рядов без оглядки на звания и должности. То есть мы станем сугубо гражданскими людьми, полностью располагающими своей судьбой, которую еще, с точки зрения быта, нужно умудриться устроить. Кто может нам, нестарым еще отставникам-пенсионерам, запретить организовать, с целью пополнения семейного бюджета, например, охранную фирму? Или объединиться в спортивное общество? Или в фонд ветеранов спецслужб? Что здесь противозаконного? Вам что, надо напоминать, сколько наших бывших сослуживцев служат нынче в коммерческих структурах и различных общественных организациях? И никто их не трогает.

– То есть наша новая работа будет связана с подобного рода деятельностью?

– Наша работа не будет связана ни с какой деятельностью. Только с сохранением личного состава и поддержанием его морально-боевого потенциала на должном уровне. Никаких коммерческих или политических интриг. Только тренинг и учеба.

– А кому могут понадобиться работники, которые не приносят никакой финансовой пользы, а только тренируются и сохраняют себя, как беременные женщины?

– Может быть, никому. А может быть, и кому-нибудь. Это вопрос следующий, который требует детальной проработки. Мы же пока рассуждаем в плоскости теоретической – «что будет, если...». Поэтому прошу высказываться в целом, а не по частностям. Господа офицеры...

– Конечно, терять то, что таким трудом доставалось, – не хотелось бы...

– Ребят жалко. Какого черта мы гоняли их до кровавого пота? Чтобы, достигнув пика формы, они ушли в ночные сторожа?..

– Зачем это надо – разгонять профессионалов, чтобы завтра на их место набирать сопливых новобранцев? Если они не нужны сегодняшней власти, это еще не значит, что они не нужны стране...

– Дело, конечно, рисковое, но если нам не оставят другого выхода...

– Нет, мужики, я в такие игры не играю... Все развернулись в одну сторону.

– Отчего это?

– Оттого, что входит в противоречие с уставом.

– Но еще больше со здравым смыслом! Нас-то они вышвыривают без оглядки на закон.

– Михалыч, ты чего это? Давно ли ты стал таким законопослушным?

– Нет, мужики. Все равно. Если будет приказ об отставке – я ему подчинюсь. Лучше пойду в сторожа. Я не участвую в играх, смысла которых до конца не понимаю. Вам чем смогу – помогу. Но сам – нет.

– Вот так категорически?

– Категорически!

– Ну, нет так нет. Неволить никто никого не собирается. Колхоз в отличие от сокращения штатов дело добровольное. Тем более еще неизвестно, будет ли это сокращение. И нужно ли будет после этого сокращения что-либо предпринимать... Ну что, пацаны, еще пива и пара? Остались силенки-то?

– На пиво – всегда!

– Тогда, Петро, плескай!

Неделю спустя Михалыч был назначен командиром учебной диверсионно-разведывательной группы, в задачу которой входило в рамках ежегодной боевой подготовки отработать тактику скрытого подхода к объекту интереса на территории противника в условиях, максимально приближенных к боевым.

Глава 5

Учебные планы, представленные на рассмотрение командирами разведгрупп, проходили три инстанции утверждения. Первым их одобрял непосредственный куратор подразделения, затем начальник отдела, затем генерал. Каждый вносил свои поправки и замечания

Высшими командирами формулировалась только частная, в рамках общего сценария учения, задача: например, быть в таком-то месте в такое-то время. Что должно было пониматься буквально. Ни метром дальше или ближе. Ни минутой раньше или позже. Только там, где надо и когда надо. Опоздание, равно как забегание вперед, приравнивалось к провалу.

Каким образом исполнитель умудрится исполнить поставленную задачу, каким составом, с привлечением каких транспортных средств – было проблемой исполнителя.

В этом и заключалась суть проводимых учений. Командование желало проверить не мышечную выносливость своих работников, на то существует физкультура, а их оперативную выучку, их сообразительность, инициативность, умение малыми силами решать большие задачи. Пробежать три сотни километров, сокрушить из положения сзади челюсть противника каблуком ботинка или попасть с двадцати пяти метров из табельного оружия в поставленную вертикально спичку сможет всякий, у кого есть глаза, руки, ноги и хоть какой-то опыт диверсионно-разведывательной работы. А вот придумать, как в том месте очутиться, как прикрыть соответствующей легендой свое там нахождение, как прийти и уйти незамеченным – для этого напряжения одних только икроножных мышц будет мало.

Именно этим качеством – умением думать и действовать без преобладания одного над другим – и отличались питомцы полковника Зубанова. На их крепких костяках сидели очень умные головы.

Представленные сценарии многократно «пробовались на зубок».

- Цель вашей группы?
- Скрытная доставка в назначенный пункт спецгруза, передача его исполнителям. Страховка передачи. Переход в район эвакуации.
- Транспортировка?
- Двумя автономными отрядами. Воздухом и водой. Сбор в квадрате пятнадцать.
- Техника?
- Самолет. Лодка. Десантные шлюпки.
- Экипировка?
- Обычная, для подводных и надводных работ.
- Оружие?
- Стандарт. Плюс автоматы для подводной стрельбы. Винтовка с оптикой. Гранатомет.
- Общий вес груза?
- Шестьсот восемьдесят восемь килограммов.
- То есть на каждого бойца?
- По сорок три килограмма, не считая личного снаряжения.
- Расстояние пешеходного подхода?
- Тридцать восемь километров.
- Топография?
- Пересеченная местность. Малолесье. Низинные болота.
- Время подхода?
- Шесть с половиной часов.
- Тяжеловато не будет?

Командир группы доставки только плечами пожимал. Легко здесь ни одно задание не давалось.

– Предлагаю снизить вес продуктовых пайков. Для увеличения резерва времени. Не на пикник собираешься. Недостаток калорий доберешь за счет боевых потерь. Усек?

Командир кивал. Как говорится: не до жиру – остаться бы живу. Хотя бы одной трети личного состава. Соответственно в их распоряжение перейдет две трети высвободившегося продуктового довольствия. Вполне достаточно для восстановления сил. Итого пятнадцать-двадцать минут дополнительного, за счет скорости передвижения облегченной группы, времени. Не очень приятно для урчащих желудков, но очень полезно для боевых нормативов.

– Ты не дрейфь, капитан, голодать не будешь. Как бы еще объесться не пришлось. Посредник – зверь. Бойцов «отстреливать» будет, как вальдшнепов на охоте. По статистике наступательного боя. После передачи груза для повышения скорости группы разрешаю сбросить большую часть снаряжения и оружия. Бежать ты должен, как заяц-русак от своры охотничьих псов. Чтоб уши от ветра в узел заворачивались.

– Как сбросить? Я же голый останусь.

– А ты не девица, чтобы срама стыдиться. Если для дела полезно, чтобы ты остался голым, – век голым ходить будешь. Как Адам – зимой. Даже без листика. Что ты, в самом деле, за каждый ствол, как монахиня за девичью честь, держишься? Пойми наконец – нам стрельба твоя снайперская из всех калибров ни к чему. Нам чистый уход нужен. Без шума и пыли.

Если ты в неравном бою изничтожишь два батальона противника, я тебя лично к стенке прислоню, согласно законам военного времени. Если погибнешь по-тихому – посчитаю молодцом. А если не на шумишь и не погибнешь – орден на грудь навешу. Уяснил задачу? Ну вот так-то. А коли ты так боишься остаться с пустыми руками – можешь заложить дублированный боекомплект в тайнике вблизи места эвакуации. Добежишь – значит, успеешь. Нет – значит, медленно бежал. Будет тебе лишний стимул для быстрого переставления ног. Вопросы есть?

Капитан мотал головой.

– Теперь меры безопасности.

– Обычные, как в учебном бою. До подхода к объекту обоймы вынуты, взрыватели вывернуты...

– Вверни. По боевой пойдешь. Какую каверзу посредник удумал – знать не ведаешь. А удумает обязательно. Ему наши промашки – слаще меда. Не мы друг дружку проверяем. Нас. Тут лучше переперчить, чем недосолить. Пока ты взрыватели вворачивать будешь – тебе неуд влепят. Промеж ушей. Так что все как положено. Оружие на боевой взвод и на предохранитель, гранаты поближе к руке. Короче, как на войне: ушки на макушку, а все, что шевелится, – на мушку. Все? Тогда вноси поправки, подчищай, оформляй все как следует и снова тащи мне. А уж я пойду к генералу. Уяснил?

– Так точно!

– Ну вот и славно. А там посмотрим, кто почем.

Генерал выносил решение в розницу, то есть по каждой группе и по каждому агенту в отдельности, начиная с получения ими вещевого довольствия на складах и заканчивая праздничным ужином по завершении операции.

Его интересовало все то же самое: время, место, состав групп, пароли узнавания... И другие, на взгляд обывателя, совершенно второстепенные проблемы бытия.

– Какие у них будут носки?

– Как они будут ходить в туалет?

– Как, простите, маскировать те самые отходы пищеварения?

– Как обеспечивать тишину во время ночного отдыха, буде в группе отыщется склонный к храпу боец?

И т. д. и т. п.

И попробуй начальник отдела хоть раз запнуться или промямлить что-нибудь невнятное.

Завершал просмотр по традиции список необходимого для операции снаряжения. Подпись под списком требуемых матценностей фактически давала ход операции. В России-матушке средства производства всегда ценились выше тех, кто с их помощью вершил трудовые и боевые подвиги. Наверное, поэтому за точку отсчета созидательной или воинской операции обычно принимался момент, когда мобилизованный народ ставился «под ружье». Или под лопату.

– Этого хватит? – спрашивал генерал, пролистывая страницы списка.

– Думаю, хватит.

– А ты не думай. Ты знай. У тебя второй попытки не будет. Не в магазине.

– Хватит.

– Ну, раз хватит – значит, хватит. Генерал размашисто расписывался на каждом листе заявки.

– Работай, полковник.

– Разрешите идти?

– Ступай. И не дай тебе бог промахнуться! Оступишься – покатаются головы по ковровым дорожкам. Первая твоя. Вторая моя.

Глава 6

Учения в диверсионно-разведывательных подразделениях Комитета мало отличались от боевых. Зачастую рядовые бойцы, отправляясь на задания, даже не знали, что их ждет – учеба или настоящая война. В некоторых случаях они не узнавали об этом, даже завершив задание. Такой подход позволял поддерживать боевую подготовку на должном уровне.

На этот раз бойцы знали, что будет учение. Но знали также, что учение это будет покруче другой войны.

Десяток самостоятельных, не связанных друг с другом групп, перемещаясь во времени и пространстве, пересекаясь, взаимодействуя или оставаясь автономными, зная о соседе справа или не ведая о нем, совместными усилиями плели замысловатую паутину операции, цель которой была им неизвестна. Ни одна из этих групп не могла считать себя главной или второстепенной пружиной всеобщего действия. Никто не мог с уверенностью сказать, что именно от него зависит успех этой маленькой войны. Кому-то могло показаться, что грандиозность поставленной перед ними задачи, множественность привлеченных средств и сил говорят о главенстве данного направления. Но потом ему довелось бы узнать, что вся эта мешанина из десятков бойцов, самолетов, парашютных десантов и бронетранспортеров предназначалась исключительно для отвлечения внимания от одного-единственного боевого пловца, тихо проскользнувшего к объекту и так же тихо покинувшего его. А с какими целями он туда проскользнул, об этом и предполагать было невозможно.

Иногда в сферу действия комитетчиков вовлекались силы МВД, армии, флота и подчиненных им пограничников. В этом случае уже сам черт не мог разобраться, кто, куда и зачем двигается и какой в этом заключен тайный смысл.

Черт не мог, а человек, закрутивший весь этот хоровод, мог. Он единственный только и мог.

Этим человеком был полковник Зубанов.

Перед началом учений полковник встречался с каждым командиром группы и уточнял задачу. Уже в форме официального приказа. Теперь отступление от него на шаг вправо или на шаг влево считалось должностным преступлением, за которое виновник должен был отвечать по всей строгости, вплоть до трибунала.

Отговариваться тем, что перед группой были поставлены невыполнимые задачи, что кто-то что-то недопонял, провалившийся командир не мог, потому что сам прорабатывал детали операции. С него и спрос.

- Вам необходимо выйти в квадрат...
- Полученный контейнер транспортировать...
- Установить приборы в районе...
- Обеспечить наблюдение за объектом...
- Обеспечить отход боевой группе...
- Приказ ясен?
- Так точно!
- Ну, тогда приступайте к исполнению. И... ни пуха ни пера...
- К черту!

Маховик учений набирал обороты, зацепляя друг за друга и заставляя вращаться в нужную сторону, словно металлические шестеренки в огромном станке, десятки людей. Все быстрее и быстрее.

Со складов выдали запрашиваемое спецоборудование. Каждое наименование по отдельному требованию. Оборудование поместили в особые непромокаемые, непотопляемые, него-

рючие, противоударные контейнеры. Контейнеры опечатали, составив при этом соответствующий акт. Сорвать пломбу и вскрыть контейнер теперь мог либо исполнитель, для которого он предназначался, либо Руководитель операции.

В оружeyках командиры групп получили требуемое оружие и боеприпасы. Каждый ствол был предварительно проверен на специальном стенде. Патроны из вскрытых цинков отстреляны. Не все – по пять взятых наугад штук с каждой сотни. Разведчики должны были быть уверены в качестве своего оружия.

Радиостанции, навигационное и тому подобное сложное оборудование расконсервировали и подготовили к работе соответствующие технические службы. Каждому наименованию был придан сертификат годности. Теперь, если радиостанция или маячок приведения выйдет во время боевых вдруг из строя, виновника искать не придется. Он сам поставил на ревизируемом им изделии свой личный штамп. На другого не свалишь. Наверное, поэтому техника в боевых подразделениях Комитета сбоя практически не знает.

Люди загодя были переведены на казарменное положение, чтобы исключить случайности в виде неожиданно вывернувшего из-за поворота грузовика с пьяным водителем за баранкой, сальмонеллеза, притаившегося в яйце, вытащенном из домашнего холодильника, или кирпича, свалившегося с размытого дождями карниза. Потерять бойца перед началом операции было не смертельно, на тот случай существовал резерв, но очень хлопотно. Заменить человека, подготовленного к выполнению конкретной боевой задачи, это не футболиста на поле на запасного сменить.

Дело оставалось за малым – за приказом к началу.

Приказ должен был подать посредник. Но когда он его подаст – никто знать не мог. Оставалось только ждать.

- Ну что? – спросил генерал.
- Мои все готовы.
- Уверен, что все пройдет гладко?
- Надеюсь.
- Ты надейся, но не плошай.
- Постараюсь. Чай, не впервой.
- Такое – впервой.

Глава 7

Капитану Митрохину поставленная перед ним задача не нравилась. Однозначно. Имея за плечами полдюжины успешно проведенных боевых и без счету учебных операций, можно было надеяться на что-то большее, чем участие в сопровождении груза. Он что, вокзальный носильщик, чтобы таскать за кого-то его чемоданы?

Обидно заниматься тем, с чем способен справиться любой зеленый, только что из училища, лейтенантик. Неужели нельзя было найти более достойного применения его способностям?

Малопривлекательной выглядела и предложенная ему группа. Собирали ее, непонятно какими критериями руководствуясь. Словно с бору по сосенке. На дрова. Были здесь и опытные бойцы, но большинство – новички с активом в одну-две операции. Похоже, с прочих, находящихся на передовых позициях, групп ссидили что похуже. Чтобы более важные участки не оголять. Так сказать: возьми, боже, что нам негоже. Такая позиция озабоченного результатами учений начальства была понятна. Но то, что во главе этого винегрета поставили его, было обидно.

Чертовски обидно!

Уже несколько недель капитан подозревал, что его оттирают от настоящего дела. Вполне возможно, после того нелестного разговора в бане. Полковник, конечно, мужик неплохой, но отличного от своего мнения не любит. И не прощает. Черт его знает, чего он добивался, ведя в парилке такие странные беседы, но то, что капитану после них стало жить менее уютно, – факт. Нет, внешне ничего не изменилось, погон с него не снимали, звездочек из них не выковыривали, от работ не отстраняли. Но и фору не давали. Давили текучкой, на которой ни орденов, ни славы не заработаешь. И коллеги стали какими-то чуть более отстраненными, официальными. Видно, не хотят из-за дружбы портить отношения с начальством. Или это ему только показалось?

В любом случае, нравилось капитану его задание или нет, исполнить его он намеревался как можно лучше. Так его учили. Работать, выкладываясь на все сто, вне зависимости от того, отслеживаешь ли ты противника или моешь пол в казарме. То, что поручено, должно быть исполнено безукоризненно. И никак иначе.

Получив приказ об организации транспортировки груза, капитан не протестовал. Не в колхозе, где есть возможность, надавив на горло или жалость, взамен непрестижной и невыгодной работы получить денежную и перспективную. В Комитете за выгодные наряды не борются. Что приказывают, то и исполняют. Без обсуждения.

В качестве вводных капитан получил только время и место. То есть где ему нужно было оказаться с грузом и когда. Все остальное ему следовало придумать самому. При этом он знал, что оцениваться будет не только конечный результат его работы, но и оригинальность решения. Как в спорте. При одинаковом наборе гимнастических фигур выигрывает тот, кто закомпонует их в наиболее изящную комбинацию.

Оригинальность, которую всячески поощряло комитетское начальство, не была самоцелью, но являлась гарантом сохранения тайны. Чем более интересное решение находил исполнитель, тем меньше шансов было на то, что его просчитает противник. В работе разведчика индивидуальность не менее, если не более, важна, чем в живописи или ювелирном деле. Чем меньше повторов – тем выше ценность произведения.

От прямолинейных, в первую очередь приходящих в голову решений, таких, как сброс груза парашютом с самолета, капитан отказался сразу. Возможно, в реальных боевых он предпочел бы именно такой лобовой прием, памятуя, что чем меньше на маршрутной нитке соеди-

нений и вычурных узлов, тем она прочнее. Но в данном случае речь шла не о бое, а об учебе. Здесь как раз и нужны были виньетки. На примитивных решениях очков не наберешь. Начальству и начальникам, проверяющим то начальство, нужны были эффекты, Разрывы гирлянд салюта в небе.

Капитан предложил три нитки маршрута, ведущие к цели. Полковник утвердил одну.

Группа разводилась на две равные части и по отдельности, непересекающимися маршрутами прорывалась через подконтрольную противнику зону. С тем, чтобы хоть одна из них гарантированно добралась до контрольной точки. Половина – это все же лучше, чем ничего.

Одна группа десантировалась с самолета, другая с подводной лодки. Далее, уже на территории противника, они соединялись и, высадившись в укромном месте на побережье, совершали марш-бросок до места сброса контейнеров.

Еще одна группа находилась в резерве на случай организации отвлекающих мероприятий. Ей в случае тревоги надлежало привлечь внимание противника на себя.

Подобный план не мог не понравиться. Помимо достижения основной цели, он позволял отработать взаимодействие боевых групп и два – воздушный и водный – способа доставки.

– Лихо! Как в голливудском боевике! – только почесал затылок полковник. – А разом самолет и подводная лодка не жирно будет?

– В самый раз.

Глава 8

До момента, пока посредник не дал команду к началу учений, транспортная группа парилась в казарме, изнывая от безделья. Все, что требовалось сделать, уже было сделано, все, что надлежало получить со складов, было получено. Как говорится, «билеты куплены, чемоданы упакованы». Перетряхивать их снова – только делу вредить.

Бойцы слонялись по закрытому периметру лагеря, травили анекдоты, резались в домино и карты, а в свободное от развлечений время бегали кроссы, занимались физ-подготовкой и стрельбой. В отличие от солдат срочной службы внешней дисциплиной и муштрой их не мучили. У каждого из них доставало сознательности и дополнительных стимулов для поддержания личной боевой формы. Им не надо было под аккомпанемент угроз и зуботычин младшего командного состава заниматься шагистикой на плацу или крутить «солнышко» на турнике в физгородке. Их энтузиазм подогревался не «кнутом» страха в форме наряда вне очереди, дисциплинарного батальона и т. п. и даже не «пряником» – возможностью получить очередное звание, премию или улучшить жилищные условия, а пониманием того, что здоровье и жизнь каждого из них зависят исключительно от них же самих. От той самой боевой формы.

* * *

Никто не гнал их на стрельбище, в гимнастический зал или на полосу препятствий. Они сами шли туда. Каждый день. Они бегали, прыгали, подтягивались, отжимались, стреляли, проводили спарринг-бои – и все равно скучали. Потому что не для тренировки они здесь собрались – для дела.

– Ну что, мужики, может, через козла попрыгаем?

– Лучше б через бабу. Я бы тогда, наверное, не перепрыгнул.

– Ха-ха-ха!

– Еще пару дней ожидания, и уйду в самоход. Я что, железный – только есть да спать.

Одному.

– А ты для разрядки штангу потягай. Она тоже женского рода.

– Ха-ха-ха...

– А я вам так скажу...

И тут же прерывистая сирена. Сбор!

Минутный топот по гулкому казарменному полу. Крики. Бряцанье оружия. И разом тишина. Словно никого здесь, кроме мух, лениво бьющихся о стекла окон, никогда и не было. Хочется сказать – только поднятая пыль клубится, но пыли в помещениях Комитета не бывает. Моют.

– Личному составу – по машинам! Подогнали три одинаковых, как куриные яйца, «пазика». Бойцы споро зашли в автобусы с наглухо занавешенными окнами.

Командиры подразделений вскрыли маршрутные конверты.

– Аэродром Березовский.

– Аэродром Северный.

Автобусы вырулили за ворота

Через сорок минут с малоприметного, замаскированного под досаафовский аэродрома Северный взлетел транспортный самолет. Сделав контрольный круг над летным полем, он лег на курс.

Еще через пятнадцать минут с другого аэродрома поднялся еще один самолет.

– Борт 11-13. У нас все в порядке. До связи. «Куда летим? – не спрашивали, думали про себя бойцы. – Судя по развороту, на северо-северо-запад. А по экипировке – так чистый север. Поди, опять в тундру. И отчего начальству так нравится проводить учения где-нибудь на кромке Ледовитого океана или в песках пустыни Каракумы? И никогда на пляжах Крыма. Странные привязанности».

Бойцы не должны были знать о месте, где будет проводиться операция. Вернее, они знали о нем все вплоть до мельчайших неровностей рельефа или изгибов береговой черты, изученных по мелкомасштабным – до пятидесяти метров в квадратном сантиметре – картам. Но не знали, где это место располагается.

Они знали только то, что могло им пригодиться в работе. И ничего из того, что должен был знать вышестоящий командир.

Командир знал чуть больше. Но тоже в пределах своей компетенции. Чтобы противник в случае провала мог меньше от него узнать. Он даже не знал, что и кому везут они в наглухо запечатанных контейнерах. И не хотел знать. Потому что и впредь желал получать зарплату, звания и награды, а впоследствии хорошую пенсию.

– Как самочувствие, бойцы?

– Как в аэробусе компании «Эйр Америка», летящем на Майами. В общем, полный... о'кей. Самолет летел три часа. Посадка. Выруливание по взлетной полосе

– Личному составу на выход! Темнота ночи, крытая машина возле грузового люка, и еще час тряски по грунтовым дорогам.

– На выход.

– Опаздываете! – щелкнул ногтем по стеклу часов военный в морском бушлате, в пилотке с «крабом». – Две с половиной минуты.

Бойцы выстраивались в привычную цепочку.

– Следуйте за мной.

Асфальтовая, огороженная якорными цепями дорожка, причал, запах соленой воды, водорослей и солянки. Тихий шум волн и работающих на холостом ходу моторов. Сходни

Небольшая дизельная подводная лодка.

– А чего не атомная?

– Чтобы жена обратно домой пустила. Придурок.

– Забирайтесь по одному.

– Ох, не люблю я эти «аквариумы».

– Ныряй давай. Не задерживай.

Узкий лаз, металлические скобы лестницы, густой дух промасленного железа, еды и человеческих тел.

– Все?

– Все!

– Опаздываете.

– Да знаем мы.

– Команде стоять по местам. Швартовы отдать... Тихо отодвигаясь от причала, субмарина разворачивалась носом в море.

– Так держать.

– Есть так держать.

Глава 9

Другому подразделению повезло меньше. Другое подразделение работало «по-мок-рому» – десантировалось в море с самолета.

Пересадка на военном аэродроме в морской транспортник, парашюты на спину и живот, сорокаминутный слепой полет, сочувствующий взгляд выпускающего.

– Ох, не завидую я вам, ребята!

– Мы сами себе не завидуем... Короткие вспышки сигнальной лампочки над десантным люком.

– Приготовиться к прыжку...

– Первый пошел!

– Второй пошел!

– Третий пошел...

Шесть куполов в ночном небе. Не привычных ярко-белых – грязно-серых, сливающихся с облаками.

Жесткое приземление в «мягкую» воду. На «пятак». С точностью до метра. Как на первенстве Союза. И молчаливый, без единого крика, свистка или иного звука сбор.

Первый. Второй. Третий... Шестой.

Все/в наличии.

– Где контейнер?

– По пеленгу в пятидесяти метрах на северо-северо-восток.

– Ну, тогда поплыли...

Резиновый, болтающийся на вялой морской волне серый чехол. Без опознавательных знаков. Кольцо аварийного газонаполнения десантной лодки. Легкий рывок шнура на себя. Щелчок. Гул вырвавшегося из баллона сжатого газа – и на воде, раздуваясь и распрямляясь, вырастает лодка.

Средство доставки промежуточного назначения подано! Прошу садиться.

По одному, помогая друг другу, через борт, внутрь. Отстегнуть основные и запасные парашюты, затолкать их в специальный контейнер и отправить на дно, к рыбам, которые противнику ничего рассказать не смогут. Потому что немые.

Груз в центр.

Разобрать весла, вставить в резиновые уключины. Натянуть ветрозащитный тент. На жесткий транец укрепить небольшой, заключенный в герметическую оболочку мотор. Рывок шнура пускателя, еле слышный гул и бурление воды за кормой.

Весла снять. Пока они не нужны. Мотор заработал. Добрый мотор. Специально сконструированный и изготовленный для таких вот случаев. В количестве тридцати экземпляров. По десятку для КГБ, ГРУ и очень высокого начальства, балующегося охотой на водоплавающую дичь. Где тоже излишний шум не в подмогу...

Курс 295 градусов. Крейсерская скорость двадцать пять километров в час.

Через три часа мотор выработает свой ресурс. Но до места всего лишь полтора. И, значит, полтора часа в запасе...

Квадрат X. Время X.

Стоп мотор. Открутить барашки, сбросить мотор за борт. Все на то же, столь любимое разведчиками дно. Больше он не пригодится. Если вдруг объявится береговая охрана, на нем все равно далеко не уйдешь.

Теперь ждать. Шестнадцать резервных минут.

Пятнадцать.

Четырнадцать.

Тринадцать...

Время!

В темноте в семи-восьми кабельтовых, отдуваясь и пуская пузыри, всплывает подлодка. Как гигантский, надумавший глотнуть воздуха кит.

Удачно угадали. Обычно везет меньше и приходится по несколько минут ждать, пока лодка на малом ходу подгребет на сигнал радиомаяка. Или работать веслами, если контакт односторонний, как сейчас.

Теперь можно отдыхать. Прямого контакта с лодкой не запланировано. Передача груза произойдет обезличенно. То есть тот, кто передает оборудование, не увидит того, кому его передает. А тот, кто принимает, не узнает, от кого получил «посылку». Моряки увидят только то, что имеют право увидеть. Одну малочисленную группу, десантированную с грузом в определенном квадрате моря. И тогда они смогут рассказать только то, что видели, а не то, что есть на самом деле. Если вдруг угодят в лапы врага. Меньше знаешь – дольше живешь сам и дольше позволяешь жить другим. Старое доброе правило конспирации.

Негромкие удары металла о металл. Шуршание резины. Шипение воздуха, подаваемого по шлангу из внутренностей субмарины. Всплеск в темноте.

Еле слышный стук люка. Изменившийся тембр и частота ударов волны о невидимый борт. Подлодка Пошла на погружение. Подлодка встает на обратный курс. Ее дело сделано. Теперь она пару часов покружит по квадратам, запутывая след, и уйдет на базу.

Передача состоялась. Груз сброшен.

Груз – ШПДШ. Штурмовая погружаемая десантная шлюпка. В полном боевом комплекте.

Ее экипаж – первая, «которой больше повезло», которой не пришлось сыпаться ночью с самолета в море, группа.

Выждать пять положенных минут. Чтобы раньше времени не проявить себя. Чтобы, если операция провалилась, отдать врагу не все, а лишь половину.

Тихо. Можно работать.

Несколько коротких, узконаправленных вспышек света в крошечной темноте, пауза пятнадцать секунд, и еще несколько вспышек – пароль-запрос. Две короткие и одна длинная вспышки, пауза, и еще две вспышки сигнальным фонариком в ответ – «Нахожусь на месте. Готов к встрече».

Теперь разобрать весла и быстро, без единого всплеска туда, где еще крутится и волнуется на поверхности потревоженная субмариной вода.

Груз на десантную шлюпку. В протянутые из темноты руки.

Груз передан. Команде подняться на борт.

Бесшумные прыжки с лодки на шлюпку.

Первый.

Второй.

Третий...

На борту!

Теперь – концы в воду. Полоснуть ножом по каждому из автономных надувных бортов уже ненужной, уже выполнившей свою боевую задачу лодки. Пристегнуть к леерам специальные гири. И тоже на дно. Вместе с веслами.

Дальнейший путь – на шлюпке.

Занять места согласно штатному расписанию!

Сесть друг за другом, упереть голову в спину впереди сидящего бойца, пристегнуться к спасательным скобам. Натянуть на лицо дыхательную, для подводного плавания маску. Смо-
чить слюной стекло, продуть шланги.

Руку вверх – готовы?

По цепочке от последнего к первому легкие удары по плечу:

Готов!

Готов!

Готов!...

Стравить лишнее давление. Шлюпка медленно погружается до уровня воды.

Сжатый воздух из общего, рассчитанного на семь с половиной часов работы баллона поступает в каждую маску. Это удобней, чем каждому иметь свой личный акваланг. Не придется снимать его в случае тревоги. Достаточно сбросить маску. Невозможно растеряться в мутной воде или расплыться в стороны в штормующем море. Каждый привязан друг к другу трубкой воздуховода, как младенец пуповиной к матери. Невозможно попасть под волну или удар случайного плавучего мусора. Напор стихии принимает на себя шлюпка. А она в отличие от людей «железная».

Вдох. Выдох. Поворот вправо-влево головой.

Еще вдох. Еще выдох.

Последовательное похлопывание друг друга по плечу:

У меня все нормально.

У меня тоже.

И у меня...

Все абсолютно бесшумно. Не всплывают, не лопаются на поверхности моря воздушные пузыри. Выдыхаемый углекислый газ всасывается в приемный вакуумный баллон, в котором предусмотрительно создано отрицательное давление, величиной равное тому, которое было в закачанном дыхательной смесью подающем баллоне.

Крейсерская глубина четыре метра. Именно на такое погружение рассчитана защитная одежда. Ниже она не выдержит. Ниже ее разорвет набегающая вода. Там нужны уже гидрокостюмы.

Запустить электродвигок. Другой. Опробовать вертикальные и горизонтальные рули. В норме.

Махнуть над головой рукой.

– Приготовиться к погружению!

Курс 340 градусов. Расчетное время пути два с половиной часа.

Погружение.

Метр.

Два.

Три.

Четыре.

Теперь выровнять рули в горизонтальное положение.

Передвинуть рычаг управления рулями в нейтральное положение.

Пять.

Шесть.

Рычаг рулей на подъем.

Семь.

Восемь.

Вернуть рычаг управления рулей в нейтральное положение и снова на всплытие. До упора на всплытие!

Девять.

Рычаг аварийного всплытия!

Десять.

Все ниже и ниже, туда, на далекое дно, где разведчики прячут сброшенное имущество.

Одинадцать!

Двенадцать!

Рули заклинены в крайне правом положении. Неуправляемая «железная» субмарина тихо планирует вниз. Как опавший с дерева осенний лист. Со всем находящимся на ней экипажем. Вот он, единственный недостаток десантной шлюпки. То, что она «железная»! То, что она тяжелей окружающей ее воды! Четырнадцать! Пятнадцать!

Время для спасения еще есть. Не такая уж большая глубина, чтобы нельзя было попытаться всплыть на поверхность. Уничтожение шлюпки должно произойти не раньше чем через двадцать минут на глубине тридцати метров. За эти минуты можно отплыть подальше. Есть шанс. Есть!

Три быстрых хлопка по ближайшему плечу. Всем покинуть шлюпку!

Три быстрых хлопка по плечу впереди сидящего товарища. И еще три хлопка. И еще..

Отстегнуть страховочные карабины, набрать полные легкие воздуха, сорвать маски, отбросить оружие, оттолкнуться ногами от шлюпки. Наверх! Туда, где небо. Где воздух.

Всплыть. Собраться вместе. Дать в эфир сигнал бедствия. Все-таки это учение, а не реальные боевые действия. Значит, сигнал можно дать. И значит, можно спастись.

Главное, продержаться до утра. Дождаться помощи спасателей или случайного рыбацкого баркаса. Может быть, кто-нибудь и дождется. Может быть, кто-нибудь и выживет. Всем наверх!

Лихорадочное, на ощупь, отстегивание ремней и карабинов. Путаница веревок, рук и ног. Все-таки недостаточно они отработали действия в нештатной ситуации. Все-таки слишком много суеты и нескоординированных движений...

Быстрее.

Быстрее!

Быстрее!!

Шестнадцать метров...

Шестнадцать метров не глубина! Шестнадцать метров – это еще гарантированное спасение. Если ты, конечно, не полный рохля... Всего-то – набрать побольше воздуха и оттолкнуться ногами от погружающейся в пучину шлюпки. Успеем. Не можем не успеть...

Не успели. Потому что опоздали...

Негромкий на глубине шестнадцати метров взрыв встряхнул толщу воды, вздыбил на поверхности волну, разорвал на куски и разметал в стороны шлюпку, груз и людей.

Не успели!

Никто не успел!

Глава 10

- Как это могло случиться? – в который раз спрашивал генерал
- Заклинило вертикальные рули. Шлюпка вошла в неуправляемое погружение. На глубине двадцати пяти метров сработал самоликвидатор...
- Как это могло случиться?!
- Возможно, конструктивная недоработка.
- Недоработка? Мать твою! Мне из-за вашей конструктивной недоработки в глаза их родственников, их вдов и детей смотреть. И какие-то слова говорить. Которые должны заменить им отцов и мужей. На хрена им мои соболезнования. Им папы нужны. Живые! Ты понял меня, полковник?
- Так точно!
- Кто готовил шлюпку к работе?
- Воентехники Семенов и Григорьев.
- Кто выпускал?
- Майор Стрельников.
- Всех на казарменное Положение до выяснения. Взять объяснительные. Создать предварительную техническую комиссию. До той, которую нам на нашу шею сверху нашлют. И еще одну. По организации похорон. Понял?
- Так точно!
- Понятливый стал! Лучше бы тебя на той шлюпке шарахнуло. Разбирайся! И каждый час докладывай лично мне. Если меня не будет – жди, никуда не отлучаясь. Я на ковер! Задницу массировать! Мать твою! Семнадцать бойцов разом угробили. Семнадцать бойцов! И не на боевых, на учениях! Как я теперь это объяснять буду?

Глава 11

Полковник вызвал дежурного офицера.

– Воентехников Семенова и Григорьева и майора Стрельникова отвести в третью казарму. Личное оружие забрать.

– Охрану выставить?

– Вы что, охренели? Какую охрану? Они что, дезертиры? Оставьте с ними кого-нибудь из офицеров. И дайте чаю или кофе. И вообще поинтеллигентней там! Ясно?

– Ясно.

– Тогда у меня все. Да, узнайте адрес разработчиков и изготовителей шлюпки. И позаботьтесь о похоронах и всяких связанных с этим формальностях. Ну, вы понимаете. Кто у нас по похоронам?

– Обычно прапорщик Шаповалов.

– Значит, вызовите Шаповалова и дайте в его распоряжение несколько бойцов.

– Разрешите обратиться?

– Валяй обращайся.

– Тут некоторая неувязка с похоронами может получиться. Хоронить-то некого. Тела еще не найдены. Кого в гробы ложить?

– Кого хочешь, того и «ложи». Можешь прапорщика и себя! По кусочку в каждый. Ты что, первый день замужем? Закажи цинкачи и набей их чем-нибудь таким... Ну, ты сам сообразишь. И подготовь соответствующие документы. Канцелярия знает. Понял? Тогда ступайте. С глаз долой.

– Ну что, Семеныч, доигрался? Доэкспериментировался? Семнадцать человек! Пятая часть отдела! За такие потери даже во время войны погоны срывали. Ну что молчишь?

– А что говорить? Вляпались, товарищ генерал-полковник.

– Вляпались. Не вляпались, а врезались!

– Кто первым сообщил о происшествии?

– Группа страховки.

– Гражданские что-нибудь заметили?

– Нет, все тихо.

– Тела, обломки найдены?

– Пока ничего. Там очень приличные глубины.

– А груз?

– Тоже нет.

– Что делать думаешь?

– Ребят представить к наградам. Выдать единовременную денежную помощь. Похороны, поминки, девять и сорок дней взять на себя...

– Точно бы на тебя! Чтобы в следующий раз думал!

– По факту назначить служебное расследование. Виновных, если таковые отыщутся, – наказать.

– Виновных-то ты отыщешь. Это ты мастак. Это не операции без потерь проводить.

– Но, товарищ генерал...

– В общем, так. Двумя-тремя козлами отпущения ты здесь не отделаешься. Даже и не думай. Шуму твое ЧП наделало до самой крыши, аж антенны качает. Уже и журналисты в пресс-службу звонили с вопросами. Что-то они такое пронюхали. Теперь общими словами не отговориться. Теперь придется приносить жертвы. Придется отдавать отдел.

- Да вы что?
- То самое. Небось не командировочные промотал! Полвзвода угробил! Придется отдавать!
- Но это же самый боеспособный отдел.
- Вижу, что самый. По количеству жертв вижу! Короче, разгоняй отдел, пока его сверху не прихлопнули. Лучше ты, чем другие. А то и твое кресло зашатается. Отдел все равно не спасти.
- Расформировать можно. Но куда людей девать? У меня все штаты укомплектованы. Лишних вакансий нет.
- В отставку людей. На домашние печки под тулупы шептунов пускать.
- Но...
- Ты что, не понял? Лучше их в отставку, чем I нас с тобой под суд! Ты инструкции читаешь?
- Какие инструкции?
- Пожарные, которые на стенах висят. «Пожар надо гасить своими силами до прибытия пожарных расчетов». Своими! Вникаешь? Иди, готовь документы. Мол, так и так, в связи с недостаточной профессиональной выучкой, выразившейся... Ну и так далее. Сам сообразишь.
- А с полковником Зубановым как?
- А этого твоего любимчика вообще под трибунал надо. И в штрафбат, на передовые, чтобы кровью искупил. Засранец!
- Передовой он не боится. И крови тоже.
- В общем, так. Пусть подает рапорт на отставку в связи со здоровьем или еще там чем-нибудь. И пусть справками под подбородок обложится. Может, мы его успеем до оргвыводов на гражданку спихнуть.
- Но он же хороший специалист...
- По утоплению работников! Все, разговор окончен. Сохранить его не удастся, даже если ты у меня здесь коленками на ковре дырку провертишь. За такие происшествия кто-то должен отвечать. Уйдет вовремя на пенсию – уйдет от суда. Нет – размотается на полную катушку. Я его прикрывать не стану. И тебя не стану. Мне свои лампы ближе к телу! Короче, иди и действуй. Пока время есть.
- Разрешите обратиться, товарищ генерал-полковник?
- Не разрешаю! Иди, иди, Семеныч, от греха подальше. Мне по твоей милости сейчас тоже лысиной об паркет стучать придется. Лучше иди, пока я совсем не осерчал. И не затягивай с рапортами. Я подпишу. Пока еще имею право подписывать.

Глава 12

– Отдела у тебя нет! – сказал генерал. – Я только что оттуда. Начальство требует головы. Первую твою. Если хочешь уйти без потерь – пиши рапорт по здоровью. На гражданке до тебя не дотянутся. Районные прокуроры в наши стены не вхожи, а военным ты без звездочек неинтересен. Живи – выращивай капусту. Остальных мы уволим по сокращению штатов. Все понял?

– Так точно.

– Не так-то точно. Ты уже почти гражданский человек. В косоворотке и шляпе. Привыкай выражаться по-цивильному. А то от тебя дамочки в

Скверах шарахаться станут. Иди готовь отписки. От твоих литературных способностей теперь твоя судьба зависит. А возможно, и моя. Не теряй время.

Отдел, которым руководил полковник Зубанов, прекратил свое двадцатилетнее существование. Равно как и сам полковник Зубанов. Случилось то, что должно было рано или поздно случиться.

Глава 13

Похороны состоялись. Прошло девять дней. И сорок. Полковник Зубанов вышел в отставку по состоянию резко пошатнувшегося здоровья. Генерал Осипов получил выговор с занесением в личное дело. Работники отдела вышли на гражданку.

– Ну что, роешь землю? – спросил генерал бывшего полковника.

– Рою, – ответил полковник. – Картошка вот. Голландская. Элитный сорт. Покупная хуже.

– Агрономом стал?

– Да нет. Просто все равно что-то делать надо.

– Ну, рой, рой. Крот. А жена как? Дети?

– Нормально жена. А вы каким ветром здесь?

– Случайным. Приятели на рыбалку пригласили. Где-то здесь, недалеко. Говорят, не рыбалка – массовая рыба капитуляция. Караси на пустой загнутый палец цепляются.

– Так вы же никогда рыбаком не были.

– Ты тоже о картошке не мечтал.

– И то верно.

– Ну ладно, я пошел. А то они уже гудят. Видно, водка у них стынет. Так, значит, говоришь, с семьей все нормально?

– Нормально.

– А остальное?

– Что остальное?

– Ну, жизнь. В общем и целом.

– Хорошо жизнь. Так, как и планировал.

За этим «как планировал» генерал и приезжал.

– Ну, тогда всего наилучшего.

– И вам. И рыбы побольше.

– А тебе картошки.

Глава 14

– Что вы еще узнали по делу со взрывом? – спросил «главный опер» Шестого отдела ГРУ генерал Федоров своего заместителя.

– Ничего нового. Расследование закончено. Дело закрыто и передано в архив. Отдел расформирован. Весь личный состав уволен в отставку.

– Весь?

– До последнего человека.

– А Зубанов?

– Ушел в отставку. Купил участок. Занимается сельским хозяйством. На работу пока не устроился. Живет на пенсию.

– Не устроился на работу? Может, где-нибудь неофициально подрабатывает?

– Таких сведений нет.

– С «однополчанами» общается?

– Практически нет.

– А теоретически?

– Контакт не зафиксировано. Правда, наблюдение за ним было фрагментарным. От случая к случаю.

– И что в этих фрагментах?

– Ничего подозрительного.

– Странно. Странно все это. Особенно для Зубанова. Нехарактерно для него сельское хозяйство. И нелюбимость. Не тот человек Григорий Степанович, чтобы добровольно на покой уйти и ничем там не заниматься. Не тот! Вот что, посмотрите за ним маленько. Только не от случая к случаю. Попристальней. Все-таки бывший главный конкурент. Может, чего и углядите. Работайте максимально аккуратно. Как с нитроглицерином. Лишний раз не высовывайтесь, на рожон не лезьте. Он калач тертый-перетертый. Халтуру за версту углядит. Если какая-то дополнительная информация появится – сообщите лично мне. Если нет... тоже сообщите. Не верю я что-то в его морковные увлечения. Как бы нам эта его морковка однажды боком не вышла. Или того хуже не вошла! И еще одна маленькая просьба. Считайте, что эту работу вы делаете для меня. Персонально. Так сказать, в виде личного одолжения.

* * *

Вторые сутки Григорий Степанович чувствовал за собой «хвост». Видеть не видел – чувствовал. Как матерый волк приближение еще далекой, еще невидимой и неслышимой своры охотничьих псов.

«Топчут» его, как пить дать «топчут». Причем, похоже, коллеги из «наружки». Потому что очень профессионально. Милицию он давно бы уже «срисовал». Те работают примитивно, в расчете на недалеких, не обученных приемам контрнаблюдения уголовников. Другое дело «девятка».

Проверить свои ощущения отставному полковнику было сложно. Он был один, без дополнительного технического обеспечения, транспорта, без аппарата многочисленных помощников, а самое главное, без прикрытия Комитета. Пара глаз, пара ушей и интуиция – вот все, чем он располагал на сегодняшний день. И еще многолетним опытом оперативной работы, который подсказывал ему, что так просто от него, бывшего начальника специального

отдела, знающего очень и очень много такого, что знать простым пенсионерам не положено, – не отвяжутся. Месяц будут смотреть. Год. А может быть, и всю оставшуюся жизнь.

Ладно, пусть смотрят, все равно ничего интересного не увидят. Обычный пенсионный быт: походы за хлебом и молоком и в районную поликлинику, вечерние прогулки в ближнем сквере, долгие разговоры ни о чем с соседями по лестничной клетке.

Изо дня в день. Из недели в неделю.

– Здравствуйте, Зоя Михайловна. Не слышали, когда воду горячую обещали дать? Еще вчера? А холодную снять? Завтра. Ну, вы смотрите, что делается. И подъезды уже вторую неделю не подметали. И лампочки не вкручивали. Никакой жизни законопослушному жильцу... И не говорите. Как так можно!..

Бригада «наружки» честно фиксировала контакты и записывала, если это было возможно, разговоры. Работа была – не бей лежачего. Встречи объекта с посторонними лицами были малочисленны и однообразно одинаковы – все те же соседи, продавцы магазинов и табачных киосков, разговоры о погоде и недобросовестной работе городских и коммунальных служб, о болячках и задержанной на три дня пенсии. Скулы со скуки может свести. Честное слово!

– Еле встал вчера, так в спину вступило. Как вступило – так ни туда ни сюда. Хоть плачь. Вставал, вставал – не могу. Потому что вступило...

– И так еще пять с половиной минут, – докладывал бригадир «топтунов» своему начальству.

– И больше ничего?

– Ничего!

– И он слушал?

– Слушал.

– Странно, странно. Что у них, другой темы не нашлось? Перекрутите-ка на конец разговора.

Пауза. Шелест перематываемой пленки.

– ...вот как вступило! Никогда такого не было, а тут – нате вам. Думал, не разогнусь. Но разогнулся. Хотел в поликлинику пойти, но уже отлегло. Что врачу говорить? Теперь боюсь, опять как вступит...

– А другие контакты?

Главный «топтун» молча перемотал и включил пленку.

– Если воду к завтра не дадут...

– Я точно знаю, что это ихний пацан стенку изрисовал. У них вся семейка такая пакостная...

– Это все?

– Нет, есть еще. На три часа воспроизведения. И примерно на ту же тематику.

* * *

Генерал ГРУ чесал затылок и вздыхал. Ситуация сложилась не из приятных. Его «личное» дело начинало вылезать за рамки его служебной компетенции. Армейская разведка не частное сыскное бюро, чтобы заниматься индивидуальными, пусть даже генеральскими заказами.

Как ему в случае чего объяснить заказанную им левую работу, связанную, кроме отвлечения от текущих дел лучших оперативников, еще и с прямым перерасходом средств? Глубокой убежденностью в том, что его снятый с должности комитетский конкурент не сдастся без борьбы? Тем, что он не верит в реальность его садово-огороднических начинаний? Слабова-

тый аргумент для вышестоящего командования, тем паче ревизорских служб министерства. Их интересуют не подозрения, а финансовые отчеты. Сколько, куда, когда, в связи с чем. И заполненные ведомости по форме.

Допустим, часть расходов можно списать на учебу. Часть разбросать по мелким статьям. А остальную? А если слежку придется продолжать не одну неделю? Тут без серьезного обоснования не обойтись. А если обойтись, то с риском для погон, если не головы, которая из них генеральской фуражкой торчит.

Нет, буром дальше идти нельзя. Себе дороже выйдет. Надо искать аргументы в пользу затеянной игры. Должно же быть какое-то, пусть косвенное, подтверждение его подозрениям, которое можно представить начальству.

Должно быть!

– Ну-ка прокрути еще разок. Оперативник включил магнитофон.

– Вода не течет... в спину вступило... пенсию задерживают... слесарь не пришел... погода дрянь... в подъездах грязь... морковка гниет...

Опять эта морковка... Чтоб ее!

– Вот что, отслушай пленку еще раз. И еще. И еще. Рассортируй всех собеседников по категориям, уточни, в какое время, в каком месте он с ними встречался. Не просматривается ли в этом какой-нибудь системы. При необходимости проанализируй, разбери по косточкам каждый разговор.

– Слежку продолжить? Или, может быть, снять?

– Слежку-то? Может быть, и снять. Но лучше продолжить.

– У меня людей на все участки не хватает.

– Сильно не хватает?

– Катастрофически.

– Врешь, поди. Кадры бережешь. Не хочешь стариков утомлять?

Оперативник потупился.

– Ладно, не прибедряйся. Все равно не поверю. Чтобы у тебя да внутренних резервов не нашлось? Перетасуй народ. Тех, кто утомился, брось на текучку. Там отдохнут. А тех, кто отдохнул, не жалей, гоняй за двоих. В крайнем случае растолкуй ситуацию, попроси выйти сверхурочно, в выходные. Переработку мы как-нибудь потом компенсируем. Ну что мне тебе объяснять – первый раз, Что ли. Не выкрутишься? Очень мне эта разработка нужна. Сам не пойму почему, а нужна. Вот так нужна!

И генерал резанул ладонью поперек кадыка.

– Сделаешь?

– Сделаю.

– Ну вот и молодец. Не спускай с него глаз, как бедный парубок с богатого родительского наследства.

– А звук?

– Что звук?

– Звук писать?

– Звук-то? Пиши звук. И слушай. Эпоха немного кино прошла. Лет семьдесят назад. Слушай! Может, что и услышишь. А за это время, глядишь, или ишак сдохнет, или султан.

– Что?

– Я говорю, а за это время я что-нибудь придумаю. И вот что еще. Поинтересуйся жизнью всех прочих работников того, ну ты знаешь какого, отдела. Где живут, чем занимаются, с кем встречаются.

– Всех работников?

– Нет, всех нам не потянуть. Самых рьяных. Ветеранов. Тех, что вместе с Зубановым начинали. И попроси за ними приглядеть наших ребят на местах. Понял?

– Понял.

– Ну, тогда ступай.

Сразу после ухода оперативника генерал вызвал дежурного офицера.

– Вот что, друг разлюбезный, закажи-ка ты мне в кадрах выписки из личных дел работников всего нашего ведомства. Пospисочно. По следующим позициям: место рождения и дальнейшего вплоть до сегодняшнего дня проживания, место учебы, местонахождение близких и родственников...

Глава 15

Прапорщик Анисимов, бывший работник бывшего спецотдела Первого главного управления КГБ, переезжал на родину. На свою малую родину в Архангельской губернии. Надоела ему Москва с ее суетой, чемоданной толкотней тысяч приезжих и снегом, посыпанным солью. Хотелось тишины, покоя и снега без специй. Натурального, белого и холодного. Как у них, на Архангелогородчине.

- Уезжаешь? – спрашивала соседка по коммунальной квартире, наблюдая за его сборами.
- Так точно, Марфа Степановна. Отбываю. Домой. По случаю полной демобилизации.
- А вернешься когда?
- Как придется.

Возвращаться в Москву прапорщик Анисимов не собирался. Потому что возвращаться было некуда. Отдел, в котором он служил десять лет, расформировали. Работников разогнали кого куда. А семьей он так и не обзавелся. Не успел за десять лет пребывания в Москве. Потому что в Москве почти не бывал. Все более на таежных, арктических и пустынных «точках». Где женщин на сто ближайших верст не сыскать.

Проблемы работы и семьи прапорщик собирался решать дома. В комплексе. Например, взять десяток гектаров земли, полсотни бычков на откорм, два десятка свиней и жену. Которая помогала бы управиться с этими бычками, свиньями и прочим сельским хозяйством. Давно прапорщик мечтал о своем деле. Чтобы на своей земле. Да все никак не решался. Пенсии ждал. Которая вдруг и случилась. Неожиданно, как сосулька, упавшая на Голову с подтаявшей крыши.

Возможно, он и в этот раз не отважился бы бросаться в пучину частного предпринимательства, остался бы в Москве охранником в какой-нибудь коммерческой фирме, если бы не разговор с тогда еще не бывшим начальником.

– Это точно. Это самое доброе дело – свое хозяйство. Чтобы и огурчики, и молочко, и сметанка – собственные. Из холодного погребка. И первачок. Чтобы все своими руками. Хорошее дело.

- Хорошее...
- Только кто же тебе землю даст? Столичному-то жителю.
- Землю дадут. Земли у нас много. А дядьев в правлении того больше... С землей проблем не будет.
- А с чем будет?
- С финансами. На бычков-то, на свиней, на то, чтобы им было что есть, деньги требуются. Немалые деньги.
- Да, без денег нынче никуда. Даже на кладбище.
- Вот и я говорю...
- А ты бы не говорил. Ты бы просил.
- Где? В банке? Так туда только если в полном боевом. Иначе дальше порога не пустят. Куда нам со свиным рылом в их денежный ряд...
- Ну, тогда у товарищей по оружию...
- У каких?
- Например, у меня.
- Шутите?
- Да нет, серьезно. Есть у меня пара хороших приятелей, которые могут ссудить.
- Под проценты?

– Под хорошего человека. И произведенное им мясо. И прочую сельскохозяйственную продукцию. Согласен?

– Да я... Да если так...

– Ну вот и ладно. А я тебя в качестве благодарности за посреднические услуги попрошу об одной небольшой услуге...

Деньги прапорщик получил. Без расписки. Столько, сколько требовалось. И землю купил. И бычков. И добротный дом. Вот только не женился. До поры до времени.

– Складно у тебя все получается! – удивлялись соседи. – Отчего так?

– Оттого, что работаю как вол, – отвечал прапорщик. – От зари до зари.

– Да, хозяйство вести, это не... автоматом в армии трясти, – соглашались соседи.

Работал он действительно с утра до ночи. И еще ночью, когда добрые хозяева спят.

Ночью прапорщик копал схрон. Под домом. Он спускался в погреб, надевал хоккейные наколенники, чтобы не истереть ноги до кости, сгибался в три погибели и вползал в длинный туннель, тянущийся под огород. Там, ковыряя неподатливую землю саперной лопаткой и набивая ее в пластиковые мешки, он проводил большую часть ночи. А с первыми лучами солнца рассыпал отработанную землю по грядкам. И шел спать.

В субботы и воскресенья он отдыхал. То есть занимался только хозяйством.

Работа продвигалась трудно, потому что мешали постоянно встречающиеся на пути камни. Но работа продвигалась. По несколько метров каждый день.

– Что-то ты совсем плохо выглядеть стал, – жалели прапорщика родственники, периодически наблюдая его ввалившуюся, с синюшными мешками под глазами физиономию. – Мало спишь, что ли?

– Когда как.

– Знать, по бабам бегаешь? Или водку пьешь?

– По бабам. У которых водка, – отшучивался прапорщик.

– Слышь, Софья, вы бы приглядели за мужиком, пока совсем не иссох, – говорили родственники женам. – Или женили его побыстрей.

– А что, он мужик справный...

Но прапорщик от пригляда отказывался, ссылаясь на то, что за время службы привык обслуживать себя сам.

Прапорщик отказывался от пригляда, не зная того, что пригляд все же осуществлялся. Не деревенскими. Личным составом местного отделения ГРУ.

– Объект с... по... находился в сарае.

С... по... ходил в сельский магазин за продуктами.

С... по... был в доме.

С... по... возился на огородных грядках...

– В три часа ночи?

– С трех до трех двадцати трех.

– Что он делал?

– Высыпал что-то из мешков.

– Что?

– Наверное, удобрения.

– В три часа ночи?!

– Может, у него днем времени не хватило?

– А вчера? Сыпал?

– Вчера мы не видели. Мы осуществляем выборочное наблюдение.

– Вот что, проберитесь на огород и посмотрите, что он там сыплет. Какие такие удобрения? Ясно?

– Так точно!

И ночью, облаченный в маскхалат, с ножницами, предназначенными для резки колючей проволоки, на боку, с замазанной темной краской физиономией, с полумаской прибора ночного видения, надвинутой на глаза, диверсант полз на чужой огород. Через лопухи и разбросанные по земле коровьи лепешки. Как через минное, которое не обойти, поле.

Ну не идиотизм ли? Чуть не в полном боевом – по деревне! Вот позора-то будет, наткнись местные парубки, возвращающиеся с ночной гулянки, на ползающего по околице разведчика. Вот разговоров! О чем только начальство думает, отправляя на такие смешные задания?..

– Ну, что?

– Земля.

– Какая земля?

– Обыкновенная земля С примесью песка.

– Зачем сыпать на грядки землю с песком? Навоз – понятно. Но песок?.. Значит, так Установите постоянное наблюдение. И отдайте на анализ образцы земли. Пусть эксперты посмотрят, что это за песок такой.

– Но...

– Что «но»?

– Это дело...

– Проведите «это дело» как учебное задание. Как тренировку личного состава по отработке слежки за условным противником. Ясно?

Местный руководитель ГРУ не собирался из-за таких пустяков, как отсутствие проводящихся оперативных мероприятий в утвержденных планах и сметах, ссориться со столичным начальством, попросившим его о дружеской услуге. Дружба в армии, особенно с вышестоящим командованием, – дело святое. Ради такой дружбы – личный состав хоть в огонь, хоть в воду.

Глава 16

Полковник-отставник Зубанов начал пить горькую. Терять ему было нечего. Будущая жизнь не сулила никаких радостей. Кроме сиюминутных, которые можно приобрести в любом ближайшем киоске. Полковник был бит по всем направлениям.

Карьера оборвалась в самом зените.

Друзей, способных скрасить безрадостное пенсионное существование, не осталось. Потому что их вне работы никогда не было. А те, которые были приобретены в период службы в Комитете, вдруг, разом, исчезли. Подобные ему отставники-неудачники разбрелись по стране в поисках бытового благополучия или настолько погрузились в свои проблемы, что не желали никого видеть. Оставшиеся на службе стали избегать опального и тем потенциально опасного пенсионера.

Семья, привыкшая видеть своего мужа и отца только по выходным дням и то ближе к ночи, смирившаяся с этим и приспособившаяся к подобному образу жизни, теперь не могла принять новый стиль – каждодневное с утра до вечера торчание заслуженного пенсионера в квартире и его постоянные неуклюжие попытки вникнуть в налаженный годами быт семьи. Среди близких людей полковник стал чужаком. Он все делал не как надо – хоть посуду мыл, хоть внуков воспитывал. Над ним подтрунивали, его одергивали, с ним смирлялись, как с неизбежным бытовым злом. Полковник все это замечал, что мало способствовало его душевному комфорту.

Относительно благополучно было только с деньгами. Полковничьей пенсии вполне хватало на жизнь. Даже если каждый такой день покупать по бутылочке. Что полковник и начал делать.

Алкоголь давал временное успокоение. Алкоголь заменял работу, друзей и семью.

Собутыльники, подхваченные возле ближайшего коммерческого киоска, в отличие от домашних полковника-отставника понимали. И принимали таким, каков он есть.

– Я вот тоже слесарем шестого разряда был. Руки – золотые. Что ни скажи – сделаю. А меня поперли, – жаловался очередной знакомый.

– Да, не умеют они ценить профессионалов, – соглашался Зубанов, раскладывая на коленях газетку и нарезая хлеб. – Вот хоть даже меня взять...

– Сволочи они все! – говорил третий. – И педерасты.

– А почему педерасты-то?

– Потому что сволочи!

Полковник, слесарь и гражданин неопределенной профессиональной принадлежности выпивали бутылку и шли покупать вторую. На полковничьи деньги.

– Ты мужик что надо, – говорил слесарь. – Ты такой мужик! Такой! Что слов нет! Такой ты мужик. А те, которые погнали тебя с работы, – дураки.

– И педерасты! – напоминал третий.

– И педерасты! – соглашался слесарь.

– Вот вы меня понимаете! – удивлялся полковник. – Одни только вы! А эти все... Эти все барахло...

Домой полковник возвращался за полночь.

– Как же ты можешь? – пыталась его стыдить жена.

Но он только сопел, молча, бочком протискиваясь в комнату, к своему сиротскому диванчику.

– Ты бы хоть сполоснулся, – просила жена. – Я чистое белье постелила.

– Незачем мне мыться. Я по лужам не валялся, – отвечал полковник, забираясь под одеяло.

– Ты же так сопьешься!

– Не сопьюсь. Я меру знаю. Жена выключала свет и уходила.

Полковник засыпал.

Слесарь тоже засыпал. Но не дома. Где придется. Домой его уже давно не пускали.

Гражданин без определенной профессиональной принадлежности не засыпал до утра следующего дня. Он промывал желудок двумя литрами кипяченой воды, мылся, брился, облачался в свежую рубашу и к семи ноль-ноль шел на рапорт к вышестоящему начальству. Гражданин неопределенной профессиональной принадлежности докладывал в устной и письменной форме, что находился в прямом контакте с объектом с 19.45 до 0 часов местного времени. Что в означенный промежуток времени объект в компании с ним и со слесарем-лекальщиком Слепневым С. И., прописанным по адресу... выпил две бутылки водки и три пива. Что во время разговора жаловался на непонимание и намекал на то, что работал в Комитете государственной безопасности.

Данную часть доклада вышестоящий начальник отчеркивал красным карандашом. То, что бывший работник Комитета намекал кому-то о своей принадлежности к данному ведомству, свидетельствовало о его серьезной деградации. Пенсионеры-комитетчики, пока они находились в здравом уме и твердой памяти, никогда, даже с близкими, не говорили о своей недавней службе. Потому что давали подписку о неразглашении. И еще потому, что лучше, чем кто-либо, знали, что у их недавнего начальства очень длинные руки. И сильная нелюбовь к болтунам.

Если полковник начал болтать что и где ни попадая, значит, он, кроме здравого смысла, утратил даже чувство элементарного самосохранения.

Поведение полковника требовало к себе пристального внимания.

Утром Григорий Степанович вставал с больной головой и шел в магазин за кефиром. Или пивом. В зависимости от того, как много спиртного употребил накануне вечером.

Дома уже никого не было. Все были кто на работе, кто на учебе, кто в детском саду. До обеда полковник слонялся по пустой квартире, а потом выходил во двор, где за сколоченным из досок столом рассаживались пенсионеры-доминошники.

– Ну что, мужики, возьмете в команду?

– Садись. Места всем хватит.

Никогда Григорий Степанович не любил играть в домино. Что можно придумать глупее, чем изо дня в день состыковывать точки, нарисованные на прямоугольных костяшках? Безумная трата времени. Когда этого времени не хватает даже на то, чтобы перекусить.

Сейчас ситуация изменилась. Сейчас времени было в избытке.

– Рыба! – радостно сообщал присутствующим один из игроков, впечатывая «пусто-пусто» в стол. И расплывался в торжествующей улыбке, словно не партию в «козла» выиграл, а олимпийскую медаль взял.

– Вот черт! – расстраивалась противная сторона.

Все роняли костяшки в центр и дружно перемешивали их.

– Если бы ты, Федя, не отдуплился, я бы...

– Как же я мог не отдуплиться, если у меня на руках были...

Постепенно полковник втянулся в игру. В ней присутствовало то, с чем он сталкивался на своей бывшей работе: определенная математическая логика выпадения и взаимоотношения случайностей, азарт победы, психологическое противостояние с противником. Здесь тоже побеждал тот, кто умел просчитывать на два-три хода вперед свои и чужие возможности. Полковник это делать умел и стал выигрывать.

– Что же ты, Степаныч, говорил, что никогда в жизни костяшек в руках не держал? – возмущались партнеры по игре.

– Ну честное слово, мужики! Сам не знал, что вдруг такой талант прорежется.

* * *

– Что, съели? – торжествовал очередную победу постоянный партнер Григория Степановича и загонял проигравшую сторону под стол.

А после шел домой, в свою холостяцкую съемную квартиру, где строчил очередной рапорт о том, что: объект с... до... играл в домино... За время наблюдения ни с кем посторонним не встречался... Ни о чем конкретном не разговаривал... После игры отбыл к себе и до вечера того же дня из своей квартиры не выходил...

Вечером Григорий Степанович отправлялся за очередной, уже второй по счету, бутылочкой. Одной ему уже не хватало...

Глава 17

Далеко в сибирской тайге несколько туристов-энтузиастов начали рекордный водный сплав по системе малых, впадающих в Енисей, рек. Таким маршрутом до них еще никто не ходил. Они были первыми.

Путешествие проходило без особых приключений, если не считать нескольких встреч с медведями, дюжины переворотов на порогах и утраты в результате тех переворотов части снаряжения и запасов питания.

Лишившись снаряжения, туристы с маршрута не сошли. Просто вместо палаток и теплых спальников стали спать под открытым небом, на подстеленных ветках, укрываясь теми же ветками, а вместо тушенки и сухарей питаться дарами природы. Любопытных медведей туристы отгоняли командными окриками и длинными, вырезанными из веток рогатинами. Одного, подобравшегося слишком близко, заломали в ходе короткой рукопашной схватки.

В конечной точке сплава туристы поставили печать сельсовета в маршрутной книжке, привели себя в порядок, побрились, помылись в бане и даже сходили в сельмаг.

Истосковавшаяся от отсутствия культурного досуга местная молодежь, взревновав своих девок к высоким, мускулистым и красивым, как на подбор, городским кавалерам, решила проучить их, подкараулив в ближних к околице кустах. Численный перевес был на стороне нападавших. Вооружение также разнилось – у одних кулаки и ноги в кедах, у других тележные оглобли и обрезки металлических труб.

– Вы чего нашим девкам глазки строите? – поинтересовался, зыря по сторонам и поплеывая шелухой семечек себе на ботинки, бригадир местной братвы. – Вам че, своих мало?

– Ну что вы, ребята. Мы ничего такого. Мы вообще здесь случайно.

– А за случайно знаешь че бывает?

– Ну извините, если что не так. Мы люди не местные, – еще раз извинились туристы, на всякий случай разворачиваясь по сторонам. – Готовы компенсировать обиду в этиловом эквиваленте.

– Чего? В каком эквиваленте? Слышь, Васек, они еще издеваются.

Хулиганы придвинулись, выставив вперед колы.

– Двое справа. Двое слева. Я центр. Толя – тыл и страховка, – тихо скомандовал один из туристов. – Режим шадящий.

В том, что произошло дальше, деревенские хулиганы разобраться ни сразу, на месте, ни впоследствии не смогли. Хотя свободным временем для воспоминаний располагали – от месяца до трех, в зависимости от тяжести полученных травм.

– Ты чего его не бил?

– Я бил.

– А чего не попал?

– Я попал.

– А чего ж он жив остался?

– А он руку подставил.

– И что?

– Сломал.

– Чего?

– Оглоблю.

– Ну?!

– Вот те и ну!

– И мне сломали.

– Оглоблю?

– Не. Ногу и руку в двух местах.

– Вот суки...

Заявление в милицию туристы подавать не стали и той же ночью покинули поселок.

– Хорошо, что смотались. Повезло им, – авторитетно заявили деревенские хулиганы, грозя в пустоту гипсовыми кульями. – А то бы мы им...

В ближайшем к негостеприимной деревне населенном пункте туристы послали по известному им адресу телеграмму: «Путешествие успешно завершено. Возвращаемся домой. Места очень понравились».

Глава 18

Верно говорил в свое время Иосиф Виссарионович – кадры решают все. В том числе и оперативные ребусы.

«Главный опер» ГРУ закрыл последнюю папку из отобранных им ранее личных дел. И поднял трубку внутреннего телефона.

– Вызовите-ка ко мне Иванова. Нет, не майора. Прапорщика. Того, который по оружию.

– На какое время вызвать?

– На теперешнее.

– Но у вас через полчаса встреча.

– Отнесите встречу. Скажите, что генерала нет. Что у него на почве частых застолий случился ураганный понос. Может, в конце концов, у генерала случиться понос? Или он не человек?

Прапорщик Иванов прибыл через четверть часа. Генерал чуть не минуту пристально смотрел в лицо впавшего в паралич субординации прапорщика, пока тот не начал переминаясь с ноги на ногу.

– Что ж ты молчал, Иванов?

– О чем?

– О том, что у тебя брат какой-то там большой водолаз на Тихоокеанском флоте. Так это?

– Не совсем. То есть не совсем водолаз. Он заведует техническим обеспечением аварийно-спасательной подводной службы.

– Как понять спасательной? Пляжный ОСВОД, что ли? Что они делают-то?

– Торпеды потерянные со дна поднимают, подводные лодки затонувшие.

– Ну вот, лодки со дна поднимает, а ты говоришь, не водолаз. С каких глубин поднимают-то?

– Я не знаю. Кажется, с больших.

– С больших. Экий ты нелюбопытный. Родной брат, можно сказать, герой морских пучин, а ты ничего о его подвигах не знаешь. Несolidно. Надо устранять пробелы. Вот что, Иванов, выписывай командировочные, бери билет и езжай на славный орденосный Тихоокеанский флот. По – общайся с родственником, поинтересуйся его достижениями, на какую глубину он нырял, на какую может нырять. Чего там доставал, чего не доставал. Понял? Нельзя близких забывать. Это дело святое. Ты, поди, с ним уж несколько лет не виделся?

– Три года.

– Вот. Три года. Нехорошо. Не по-родственному это. Брат-то, поди, один?

– Нет, еще один есть.

– А этот кто?

– Тракторист на Алтае.

– Тракторист – это хорошо. Это почетно. С ним тоже давно не виделся?

– Тоже три года.

– Это совсем плохо. Его тоже попроведать надо. Но не сейчас. Как говорит мой внук – первое слово дороже второго. Вначале съездишь на Дальний Восток. А потом уже к трактористу. Попозже. В отпуск. За свой счет. Лады?

– Так точно!

– А как документы выправишь и соберешься – ко мне зайди. Может, я еще что попрошу тебя узнать. Человек я любопытный. А о водолазах с детства любил читать. Только не всегда все понимал. Может, сейчас пробел восполню. С помощью твоего брата. Как думаешь, не поздно?

– Никак нет! Не поздно!

– Вот и я говорю, не поздно. Так что зайди. Не ленись. Например, шестнадцатого в четырнадцать сорок пять...

Глава 19

Оставшийся не у дел майор-Отставник бывшего спецотдела Первого главного управления КГБ Михаил Андреевич Михайлов прибыл в Забайкальский военный округ. С частным визитом. К своему давнему приятелю и однокашнику по общевоинскому, тогда противохимической обороны, училищу.

– Как живешь, Сема?

– Служу. А ты?

– Уже не служу.

– Ушел в отставку?

– В нее. Только не ушел, а ушли.

– Кем ушли?

– Майором.

– А где лямку тянул?

– Вначале в Казахстане, потом в Белоруссии, потом в Москве.

– Высоко залетел.

– Зато и больно упал.

– А к нам по какой надобности?

– По продуктовой.

– ???

– Очень кушать хочется. А за еду деньги просят. Приехал длинный рубль добыть.

– В наших-то богом забытых краях?

– Ваши края на золотишке, алмазах и черт его знает еще на чем стоят. Вы только лопатой вглубь копнуть ленитесь.

– Ты скажи где – я копну. Мне тоже допмак к окладу не помешает.

– Дай срок – скажу. А пока помоги чем сможешь.

– А кому помогать-то? Если официально? Бывший майор вытащил из кармана тисненную золотом визитку.

– Ого! Полномочный представитель...

– А ты думал! Хозяева любят пыль в глаза пускать. Снарядили меня, как принца Уэльского. Разве только «Роллс-Ройс» не дали. Ребята они серьезные – и поэтому без результата мне возвращаться назад нельзя. Давать они, как ты видишь, умеют, но и спрашивать тоже. Так что вся надежда на тебя.

– Да что я могу?

– Не прибедряйся, – ткнул пальцем на входную дверь майор. – Я, прежде чем зайти, твою визитку тоже прочел.

– Ну тогда выкладывай, что требуется.

– Пустяк: рекогносцировка на местности, карты, дороги, дельные советы, кое-что из снабжения. И самое главное – знакомство с нужными людьми. Замолвишь за меня словечко?

– Смотря какое.

– Мы ничего предосудительного делать не собираемся. Съемка местности, геологические изыскания, ну и еще кое-что по мелочи. Все документы в порядке. Распиши на местах, печати есть.

– Что ж тебе еще надо?

– Содействия. Сам понимаешь: бумаги бумагами, а без местной власти в ее владениях – шагу ступить без того, чтобы не споткнуться, невозможно. Сожрут вместе с потрохами и

рекомендательными письмами и не поперхнутся. Ты здесь, почитай, десять лет отираешься по части снабжения, все ходы-выходы знаешь...

– Двенадцать с половиной.

– Тем более. Тебе и карты в руки А за ценой мы, как в песне поется, не постоим. Соображаешь?

– Ох, чувствую, в авантюру ты меня втрапливаешь. Но отказать другу не могу. Хотя бы из-за совместно проведенных в «окопах» лет. Помнишь училище-то?

– Как такое забыть?

– Знаешь, давай так, приходи ко мне сегодня вечером часам к семи. Посидим. Прошрое повспоминаем. О будущем поговорим. Лады?

– Лады!

– Только не вздумай ничего с собой приносить. У нас все есть. Ты же сам говоришь: не край – кладезь.

– Уговорил. Приду пустой и голодный как медведь-шатун.

– Жду!

– Да, еще одна просьба, – припомнил на пороге майор-предприниматель. – Ты обо мне лишнего пока не говори. Ни мне, ни моим хозяевам громкая реклама ни к чему. Мы же не фотомодели и не артисты, чтобы радоваться тому, что каждая собака нас в лицо узнает. Чем меньше о нашем деле народа будет знать, тем меньше будут зубоскалить, когда оно не выгорит. А если вдруг выгорит – меньше конкурентов на хвост насядет. Слышал такое модное слово – промышленный шпионаж?

– Не дремучие. Газетки почитываем.

– Если кому что дать надо или с кем переговорить – то с этим, уверен, ты лучше меня справишься. Так?

– Ну, в общем и целом...

– Вот и славно. Можешь считать себя министром с портфелем и соответствующим содержанием. А вечером, я надеюсь, мы скрепим наш перспективный договор по всей форме. – И майор многозначительно щелкнул себя пальцем по шее. – Так ты говоришь, в девятнадцать ноль-ноль?

– Так точно! В ноль-ноль!

Глава 20

Прапорщик Иванов прибыл с Дальнего Востока, что называется, сыт, пьян и нос в табаке. Три недели он вдохновенно изображал первого человека в непоследнем ведомстве. В чем и преуспел. Немало он за свою боевую, за дверьми многочисленных оружейных и материально-технических складов, послушал различных военных баек. Так что порассказать ему было чего. такого, что слушателей мороз по коже пробирал, даже если сидели они под потолком в банной парилке.

– Ну, в общем, так. Они слева, и справа, и сзади. Нас – один я. Их – взвод. Ну, может быть, полвзвода. Считать по головам некогда. Ну, думаю, все, кранты приходят. Суши, Сашка, весла. Взвожу свой автомат, как сейчас помню, инвентарный номер 197514, выдергиваю чеку из гранаты «РДГ» второй категории хранения и говорю им так спокойно...

– Ну! – удивлялись слушатели очередному подвигу рассказчика. – Быть не может.

– Может. У нас и не такое может быть. Что в принципе соответствовало истине.

– Да у тебя за такие дела за орденами груди должно быть не видно.

– Нам не положено, – скромно отвечал складской прапорщик. – Для нас это обычная работа. Нас если и награждают, то посмертно. А у вас как?

– Да так, нормальная служба. То в лоб, то по лбу. Квартир нет, зарплаты смешные, оборудование старое, изношенное. Тоска. Идешь на глубину и не знаешь, то ли вынырнешь обратно, то ли на корм рыбе останешься. То шланг лопнет, то лебедка заест.

– Да, скучно у вас.

– Уж как есть, – разводили руками моряки.

– То ли дело у нас. Вызывает меня, к примеру, – прапорщик ударил пальцем по погону и многозначительно задрал его вверх, – Сам. Фамилии, конечно, сказать не могу. И говорит: «На тебя, Иванов, вся надежда. Бери командировочные, бери что хочешь, езжай, выручай». Я, конечно, отказываться. Я только что со службы – боевой, – а он ни в какую. «Дело, – говорит, – государственной важности, а послать некого...»

Ну как ему не верить? И вызов был, и генерал, и командировочное удостоверение – вот оно, в наличии.

– Еле уговорил. Я в самолет – и сюда...

– А зачем?

– А зачем, сказать не могу. Хоть убейте. Государственная тайна.

И, посерьезнев и осмотрев присутствующих подозрительным взглядом, прапорщик опрокидывал в рот очередную рюмку водки, заедая ее ложкой красной икры.

– Вот так, мужики!

В общем, оторвался прапорщик. На все сто плюс один процент.

Но не зарвался. Спирт с водкой попил, икры поел, в бане попарился, о покупке машины импортной на будущий год договорился, но и дела не забыл. Того, что касалось поиска и подъема утерянных торпед и достижения при этом максимальных глубин. Не стал брательник скрывать своих возможностей. Тоже расхвастался в ответ на излияния прапорщика о его боевой биографии. И оказалось, что возможности его побольше, чем в официальных отчетах указывались. Если, конечно, головой рискнуть.

– Ну что ты торопишься? Что частишь, как пулемет «максим»? Ты мне подробности обскажи. Что да как. Я страсть какой любопытный. И море всегда любил, – просил генерал.

– А что еще рассказывать?

– То, что тебе рассказывали. Истории всякие. Как поднимали. Как опускали. Только лишнего не сочиняй. Отсебятина, она рассказ портит.

Прапорщик и рассказывал. Почти дословно.

– Ну! – удивлялся генерал. – Вот это да! Вот это молодцы морячки! Не жизнь – а приключенческая книга.

Полдня рассказывал прапорщик. Как Шехерезада.

– Вот видишь, – подвел итог наслушавшийся морских историй генерал, стуча пальцем по лежащей на столе бумаге. – А они вот тут пишут, что такие работы невозможны, что такие глубины для них запредельные. Даже и не знаю, кому верить: им или брату твоему?

– Брату.

– Как же брату? Здесь же черным по белому написано.

– Я не знаю, что написано, а только брату верю. Он лишь то рассказывал, что сам лично делал. И мужики его подтверждали. Я их спрашивал. Они сказали, что ограничения эти приняты при царе Горохе и давно морально устарели. Но отменять их начальство опасается, хотя и знает, что их все равно никто не соблюдает. Им, если все инструкции выполнять, так в воду вообще нельзя соваться. Если глубже чем по колено. Так они сказали.

– Вот оно в чем дело. Выходит – непосредственное начальство о потенциальных возможностях собственных работников не осведомлено. А если осведомлено, то от общественности эти сведения скрывает. От нас с тобой скрывает. Чтобы не знал никто о каждодневных трудовых свершениях героев-водолазов. Или лишней работы на свои бюрократические задницы нахомутивать не желают. Нехорошо получается. Одни могут, а другие не хотят. Революционная ситуация. Ну ладно, Иванов. Спасибо тебе большое от лица службы. Выручил ты меня сильно. А заодно и отдохнул. Отдохнул?

– Отдохнул маленько.

– Маленько! Чего уж скромничать. Хотел бы я на твоём месте оказаться, чтобы неделю ничего не делать, как только икру килограммами лопать.

– Я не килограммами. Я вам, товарищ генерал, тоже маленько привез. В подарок.

– Кто это тебя надоумил?

– Брат.

– Видишь, какой брат у тебя заботливый. Принимал, как короля. О начальнике твоём не забыл. Хорошо принимал?

– Хорошо.

– Неудобно получается – к тебе всей душой, морскими деликатесами закормили, а ты ничем и не ответил. Хлопнул дверью, и поминай как звали. Не стыдно?

Прапорщик виновато засопел.

– Надо исправлять твою ошибку. Давай-ка так сделаем: ты ему отпиши встречное приглашение, зазови, прими как следует, накорми-напой-попарь, как тебя там не поили, не кормили и не парили. Чтобы не стыдно было. Чтобы марку нашу поддержать! Или мы хуже флотских? И не затягивай. Гость дорог к обеду.

– Да кто же его отпустит сейчас?

– Ты, главное, пригласи. Попытка, она не пытка. А я по своей линии поспособствую. Где надо, словечко замолвлю. Может, что совместными усилиями и получится. Давай действуй, Иванов. А то я не люблю в долгах оставаться, – кивнул генерал на литровую банку с икрой, неловко удерживаемую прапорщиком. – Долг платежом красен. Сегодня и отпиши. К чему оттягивать. В приемной. Бумагу и ручку тебе дадут.

В тот же день из канцелярии Министерства обороны на Тихоокеанский флот ушла шифрограмма об откомандировании капитана второго ранга Иванова в распоряжение генерала Федорова сроком на две недели. Об исполнении надлежало доложить в течение десяти часов.

Глава 21

Артель геологов-старателей выбирала место под лагерь очень долго и очень придирчиво. Избалованные они какие-то были. Тут слишком высоко, там слишком низко, здесь комары и мошка, там нет водоема, там есть, но в нем опять-таки нет любимой породы рыб. Привереды.

Наконец остановились на месте слияния двух таежных рек. Примерно там, где недавно проплыла группа туристов-водников. Местечко было глухое, удаленное от ближайшего населенного пункта чуть не на полторы сотни километров.

– Зачем вам эта глухомань? Вон в шестидесяти верстах от райцентра, вверх по течению, есть заброшенная воинская часть. Казармы, склады, кухня, забор. Даже баня! На века строилось. Все в целостности-сохранности. Надо только кое-где стены подновить – снаружи подкрасить, внутри побелить – да окна вставить, и вселяйся. Если самим мараться не хочется, можно пару взводов солдат подбросить. Они в день со всем управятся. Тем более дорога к самым воротам. Чего еще для полного удовольствия надо? Ну что, по рукам? Нет? Почему? От места работы далеко? Зато от баз снабжения близко. Все равно не устраивает? Ну, тогда хозяин – барин.

Груз на место будущего геолого-разведывательного лагеря забрасывали вертолетом. Летали ранним утром и поздним вечером, потому что днем арендовать летное время не было никакой возможности. Вначале прямо в реку, на мелководье сбросили разведку и первую партию груза.

– Другие вещи мочить можно? – спросили вертолетчики.

– Не хотелось бы.

– Тогда топчите площадку на берегу. Где-нибудь вон там. Чтобы мы сесть могли.

– Как топтать?

– Квадратом. Сорок на сорок. Выломайте кусты и срубите вон те деревья. Успеете до второго рейса?

– Успеем.

Следующие тюки бросали уже на землю и откатывали под навес, наскоро сколоченный из тонких жердин, густо накрытых сверху еловыми ветками. Артельщики работали споро, без перекуров и обычных для таких дел суеты и мата. Пилоты вначале сильно удивлялись тишине на разгрузочной площадке, но потом привыкли. Понятное дело – артельщики. Это вам не обычные геологи, за которых государство платит. Эти денежки из своего кармана вынимают. Им каждая лишняя минута простоя вертолета в прямой убыток. Здесь, прежде чем языки чесать или сигаретки крутить – сто раз подумаешь. Здесь работать надо. В прямом смысле – не покладая рук.

– Все?

– Все! Фюзеляж чист. Можно взлетать.

– Тогда от винта.

– Сколько еще сегодня ходок успеете сделать?

– Если такими темпами – то еще рейса два.

– А если темпы увеличить?

– А не сдохнете?

– Не сдохнем.

– Тогда три.

– Тогда четыре.

– Ладно, четыре. Нам что? У нас коробка железная, – удивлялись вертолетчики.

Это же какие деньги должны мужикам платить, чтобы они так пупы надсаживали! Интересно было бы узнать.

- Эй, ребята, вам помощники в бригаду не требуются?
- Да вроде нет.
- Смотрите. Если вдруг будет вакансия – шепните. Может, и мы переквалифицируемся. Еще четыре заброски. И еще три на следующий день.
- Все. Эта ходка последняя. Аэродром пуст.
- Ну, значит, шабаш.

Артельщики уселись на сброшенные тюки, закурили. Подошли, встали рядом вертолетчики. Тоже закурили, на дорожку. Предложили за-ради шутки:

- Может, передумаете? Может, с нами обратно? Пока мошка вас не сожрала?
- Нет, не передумаем. Поздно уже.
- На все лето?
- На все. Возможно, еще и на осень.
- Как же вы будете шесть месяцев без свежего пива? И без баб?
- А мы привычные.
- Ох, мужики, не завидуем мы вам.
- Мы сами себе не завидуем. Раскрутились винты, обдали траву и сидящих на ней людей ветром.

- Счастливо!
- И вам того же.

Вертолет набрал высоту, завис на мгновение, развернулся и взял курс на базу. Последняя ниточка с внешним миром оборвалась. До ближайшего населенного пункта от места десантирования геолого-разведывательного отряда было сто верст. Это если по прямой, если через непроходимую тайгу, болота и урманы. А если по реке, то и все сто пятьдесят. Глухое место. Глуше не бывает.

Артельщики оттащили поклажу поглубже в лес и, не откладывая в долгий ящик, принялись за обустройство лагеря. Если бы вертолетчики увидели их сейчас, они бы удивились еще больше, чем раньше. Дело было даже не в том, что, не успев завершить разгрузку, артельщики вновь принялись за работу (простые работяги непременно отметили бы день приезда и второй день и после еще дня два приходили в трудоспособное состояние), – дело было в характере этих работ. Другие бы непременно начали с землянок или палаток, с кухни, с продуктового склада. Эти – с господствующих над местностью высот.

На макушках двух самых высоких сосен они сколотили импровизированные «вороньи гнезда», навесили веревки с подъемными механизмами, вкрутили в стволы дополнительные ветки. На дальних подступах к лагерю навесили на кусты тонкую, почти не различимую глазом проволоку. Такую же проволоку растянули вдоль реки. Палатку поставили только потом. Но опять-таки не для того, чтобы втащить туда раскладные походные койки, которые обычно используют геологи, а для того, чтобы установить какую-то непонятную аппаратуру. Похоже, эта аппаратура была им важнее их самих. В первую ночь спать они легли не в палатке, палатка была занята, а под открытым небом, накрывшись полиэтиленом. Не все легли, двое остались нести сторожевую вахту продолжительностью три часа. Через три часа они будили смену и заползали под полиэтилен.

А чего им, спрашивается, сторожить? У геологов на что, бывает, хранятся в лагере взрывчатые вещества, запалы, оружие и немалые суммы денег, и то они ночью дрыхнут без задних ног. А эти бродят по тайге, выпучивая глаза словно совы. Впрочем, даже и не глаза, а приборы ночного видения, надеваемые на лицо словно очки. Откуда у простых артельщиков взялись такие аппараты?

- Запад-север – чисто.
- Восток-юг – все нормально. Без происшествий.

А что должно случиться, что приходится вот так, ни сна ни отдыха не зная, мотаться по округе и лазить по соснам?

Видно, что-то должно. Только что – посторонний знать не может. А артельщики не скажут.

Глава 22

– Все, – сказала жена отставного полковника, а нынче уже совершенно опустившегося бытового алкоголика Зубанова Г. С. – Всякому терпению приходит конец. Моему пришел сегодня. Я развожусь!

– С кем?

– С тобой. Алкаш!

– Я не алкаш! Я под забором не валяюсь.

– Будешь валяться! Потому я и развожусь сейчас. Пока до забора дело не дошло.

– Ну и хрен с тобой! – сказал Зубанов Г. С. – Но только – что это ты сейчас надумала? А не раньше, когда ты как сыр в масле... Раньше ты отчего не хотела разводиться? Денег было жалко? И автомобиля персонального? А сейчас, когда я никем стал, тебе свободу подавай! Чтобы по кобелям бегать? Стерва ты! Причем меркантильная!

– Ну при чем здесь деньги! При чем автомобиль! Ты же другим стал. Ты же горьким пьяницей стал! Неужели тебе самому не противно?

– Противно иметь женой такую подколодную змеюку, как ты! С жалом вместо языка! Я, может, и сам хотел на развод. Давно. Да тебя, дуру, жалел!

– Ты?! Меня?!

– Тебя! Кому ты такая будешь нужна! Антикварная вешалка.

– Я? Вешалка?!

– Ну не крючок же!

– Ох, какой же ты гад стал!

– Я гад? А ты тогда жена гада! Значит, гадина! В общем, тварь ползучая. С ядовитыми зубами.

– Завтра же заявление! Сегодня же! Сейчас же!

– Ну и не очень-то напугала! – сказал Зубанов и пошел в ближайшую пивную заливать горе.

– Главное, пока я был в силе, она ни-ни. Козой вокруг ходила. А как я, а как меня... она сразу рожу кривить. Плохой я сразу стал. А раньше хороший. А чем я изменился? Что, у меня рожу перекошило?

– Бабы сволочи! – отвечал сидящий рядом оппонент. – И проститутки.

– Моя нет. Моя сволочь! Но не проститутка.

– Проститутка! – убежденно говорил собу... собеседник. – Они все проститутки. С пеленок. И в пеленках проститутки!

– Ты считаешь?

– Знаю!

– А я тогда кто? Я тогда, получается, сутенер?

– Ты дурак.

– Почему?

– Потому что женился. На проститутке!

– Ты так считаешь?

– Знаю!

– Откуда?..

Вечером Зубанов приползал домой и долго тарабанил в закрытую дверь.

– Открой, стерва! Открой, проститутка! Я здесь живу! Я здесь прописан...

Из соседних дверей выглядывали соседи.

– Ну, чего надо? – спрашивал Зубанов. – Не видите, я домой пришел. К стерве. А она не открывает...

Соседи качали головами и захлопывали двери.

– Открывай давай! А то дверь выломаю... Но жена дверь не открывала, и Зубанов, утомившись, затихал. И засыпал на пороге.

– Совсем опустился. А каким приятным мужчиной был, – вздыхали идущие на работу жильцы. – Наверное, так всегда бывает: кто долго держится, потом очень быстро наверстывает...

Утром жена открывала дверь.

– Проспался?

– Я тебе развод Не дам. Вот тебе развод, – говорил трясущийся от холода и похмелья Зубанов и тыкал снизу вверх в нос жене грязную фиговку.

– Дашь. Куда ты денешься?..

– Не дам! Если ты мне ящик не поставишь! Жена одевалась и собиралась уходить.

– Ну, или за пол-ящика, – уступал половину страдающий от похмельного синдрома муж. Жена выходила на лестничную площадку.

– Ну дай на бутылку. Ну чего тебе стоит, – кричал вслед Зубанов. – Стерва старая!

Дверь захлопывалась.

Пора было что-то предпринимать.

Зубанов шел в ванную и совал голову под ледяную струю. А потом шел в спальню и перетряхивал женину тумбочку. Находил шкатулку с украшениями, вываливал их на постель и выбирал самые ее любимые сережки. На бутылку и скандал хватит, прикидывал он. И шел на улицу толкать домашнюю ценность.

– Ну, на бутылку всего. Это же чистое серебро. С пробой. Оно же вдесятеро стоит! Ну, точно тебе говорю. Сам супруге на именины покупал. Ну, возьми, мужик. Для своей возьми. Потом, когда прижмет, тоже продашь...

С противоположного тротуара за действиями объекта наблюдал лениво читающий газету молодой человек.

«С... по... на пересечении улиц... объект продавал какие-то домашние вещи, по всей видимости, украшения, с целью приобретения ликеро-водочных изделий...»

Зубанов еще немножко приставал к прохожим и направлялся прямо к молодому человеку. Который единственный не пытался от него убежать.

– Вот вы, я вижу, очень умный молодой человек, – вежливо говорил он. – Потому что уже полчаса читаете газету. И значит, вы сможете по достоинству оценить эту вещь. Ведь это серебро? Ну возьмите, взгляните. Серебро?

Растерявшийся молодой человек брал в руки сережки и рассматривал, стараясь отвернуть лицо от дышащего перегаром собеседника.

– Ну что, серебро? Серебро?

– Серебро, – соглашался молодой человек.

– И я говорю, серебро. Ну так и возьми его своей бабе.

– У меня нет бабы.

– Были бы сережки, баба появится. Они страсть как всякие висюльки любят. Моя аж тряслась, когда я ей их подарил. Возьми, парень. Не пожалеешь.

– Да у меня и денег нет.

– А я много не попрошу. Сколько у тебя? Где они? Давай посмотрим.

И опустившийся алкоголик начинал похлопывать любителя чтения на свежем воздухе по карманам.

– Здесь или здесь? Не жмись. Я же вижу, что сережки тебе понравились.

– Ну хорошо, хорошо, – соглашался молодой человек, которому запрещено было вступать в прямой контакт с объектом Наблюдения. – Я дам деньги.

– Ну так давай! Я сразу понял, что ты знаток! И баб любишь.

Наблюдатель выворачивал карманы и отдавал всю мелочь, что у него была при себе. И срывался с места действия, забыв даже взять приобретенные сережки.

– Нормальный мужик! – говорил Зубанов, пересчитывая трясущимися руками мелочь. – В самый раз! – И бежал в ближайший киоск.

Вечером жена поднимала страшный крик.

– Допился! Из дома вещи ворует!

– Я ничего не воровал. Это мои вещи. Это я их тебе дарил! За свои деньги.

– Но дарил-то мне!

– Пока ты была моя жена – тебе. А когда ты стала чужая сволочь, зачем мне тебе делать подарки? – справедливо возражал бывший муж. – Я ничего твоего грамма не возьму! Я человек чести.

– Гад ты, гад, – уже не кричала, уже навзрыд плакала жена.

Баба – что с нее возьмешь?

– Да ладно тебе, – говорил алкоголик Зубанов и лез к ней целоваться. – Стерпится – слюбится!

– Не прикасайся ко мне! Уйди! Или я за себя не ручаюсь, – орала жена и лихорадочно собирала вещи.

Вечером приходил сын.

– Ты что, батя, делаешь?

– А что?

– Мать извел. Пришла в слезах. Сказала, что домой не вернется.

– Да ладно тебе. Не так все плохо. Попсихует и придет.

– Не вернется. Она заявление подала. И тебя просила. Тоже.

– Заявление? Ладно, я напишу. У тебя бумага есть?

Сын доставал бумагу. И ручку.

– Слушай, а денег нет? Немного. Я тебе в пенсию отдам.

Сын болезненно морщился и давал деньги.

– Ну вот и отлично. Отлично. Я как пенсию получу, сразу к тебе. До копейки. Веришь? До последней. Ну ты же меня знаешь.

Сын молча кивал.

– Ну вот, видишь! Что писать-то? Ты продиктуй. А то у меня что-то голова болит. Простыл, наверное. А матери скажи, я на нее зла не держу. Пусть приходит когда хочет...

Сын диктовал заявление и уходил. Отец шел в киоск, покупал три бутылки водки и напиивался вдрызг. На этот раз до полного бесчувствия.

* * *

– Мне кажется, наблюдение пора снимать, – говорил начальник группы наружного наблюдения. – Объект пьяница. Горький пьяница. Вчера блевал в автобусе. Он не способен ни на какие сознательные действия. Он украшения жены на улице продает. И тут же бежит в киоск.

– А если он блефует? – сомневался генерал Федоров.

– Так блефовать нельзя. Так можно только спиваться. По-настоящему. У меня два наблюдателя из ближнего окружения на больничный пошли с перепоя. Печень восстанавливать. А

они антияд принимали. Он настоящую водку глушит. Мы проверяли. И по-настоящему после этого лыка не вяжет.

– Все равно наблюдение надо продолжать, – настаивал генерал.

– Зачем? За последние недели не было зарегистрировано никаких контактов.

– Вот поэтому и продолжать. Что не было! Продолжать!

– Лично я бы...

– Лично – ты можешь дома. В постели с женой. А здесь выполняй приказ! – психанул генерал. – Усильте наблюдение. И докладывайте мне о каждом его шаге.

– О каждом?

– О каждом! По минутам. Куда ходил, на кого смотрел. Сколько пил. Сколько блевал. И в какую сторону блевал. Ясно?

– Так точно.

– Идите!

Генерал психовал, потому что построенная им логическая схема разваливалась. На глазах. Главная фигура, на которую он поставил, перестала вмещаться в отведенные ей рамки. Он не верил в бытовое разложение Зубанова чисто интуитивно. Исходя из общего психологического портрета своего вероятного противника. Но против психологии были факты. Которые вступали в противоречие с интуицией. И которые никак не могли оправдать затрачиваемых на не утвержденную вышестоящим начальством слежку средств.

Ни в какие контакты объект не вступал. Никаких переговоров не вел. Никому не писал. Телефонной трубки не снимал. Только пил и морально опускался. Все ниже и ниже...

А если вдруг вся эта комбинация ошибка? Ошибка генерала Федорова? Если Зубанов действительно спивается, потеряв вкус к жизни? Сломавшись на ЧП и несправедливой отставке? Если видимая картина соответствует реалиям и не имеет второго дна?

А?

Если отойти от стереотипов?

Вдруг он подстава? Стрелочник? Вдруг на него специально это ЧП списали, чтобы прикрыть теневую фигуру? Более важную для дела фигуру. Может, дело крутится помимо него?

Или того хуже, меня, дурака, специально к нему подвели, в него уперли и тем голову задурили. Может, на это ставка и была? На то, что очень голодный карась клюнет на очень жирного червяка? А он возьми и клюнь!

Может, так?

Как же разрешить этот затянувшийся кроссворд? Причем так, чтобы все слова-загадки сошлись. Потому что кроссворд, где слова не сходятся, очень опасный кроссворд. Для того, кто не смог его решить.

Что же делать?

– Вот что, – говорил Федоров своему заму. – Подошли к жене Зубанова человечка. Ну, что-нибудь вроде обаятельной жилетки для промакивания слез. Пусть поговорит с ней. Прощупает ее на предмет правдивости. По-настоящему ее муженек спивается или это так, с обоюдного согласия игра? Может, она больше знает, чем показывает. Может, ее муженек, прежде чем ее так бессовестно мучить, предупредил. Или намекнул о чем-нибудь. Может, дрогнул полковник. Выдави из нее все, как из тюбика зубную пасту. Мне очень важно это знать.

– А сам Зубанов?

– А сам Зубанов мне – что та зубная боль. В общем, если эта волынка продлится еще месяц... И не даст результата... То, боюсь, мне придется пить вместе с ним. На одной скамейке. Как двум с одинаковой биографией отставникам.

Если я не выиграю с Зубановым. Если я не выиграю с братом Иванова. Если я не выиграю хоть где-то, то, значит, я... проиграю. По всем статьям.

Глава 23

Брат прапорщика Иванова ждать себя не заставил. Еще бы, кто откажется от необременительной, за казенный счет поездки в столицу нашей Родины. Причем не к своему морскому, от которого можно ждать любого подвоха, начальству, а к какому-то совсем неизвестному сухопутному генералу. Сухопутчиков Иванов не опасался. Перед «зелеными» генералами капитан был чист как капля росы. В крайнем случае им, не знающим морской специфики, он мог навешать такой «лапши по-флотски» на уши, что сам черт, где правда, а где кривда, не разберет.

В аэропорту капитана встречал брат. На черной «Волге».

– Ого! – удивился капитан второго ранга, оглядывая машину и брата. – Встреча по высшему разряду. А я, грешным делом, думал, ты там там пули отливал.

– Это еще не класс – так, разминка, – отвечал прапорщик и тронул за плечо водителя. – Вначале покатай по городу, потом – в Контору, потом – на дачу.

– На какую дачу? – переспросил морской брат.

– На загородную. Там увидишь, – ответил сухопутный.

Всю дорогу прапорщик рассказывал о мелькающей за окнами Москве: о том, где он жил, где бывал, с кем бутылочку распивал. Выходило очень значительно, а главное – приковано к конкретным городским пейзажам. Такие рассказы оспаривать было трудно. Морской брат заметно притих и даже как-то приуменьшился ростом.

На что и рассчитывал генерал, отряжая в распоряжение прапорщика служебную «Волгу».

– Куда еще? – спрашивал водитель.

– Давай Останкино и ВДНХ. «Волга» выкатывалась в правый ряд и набирала скорость.

– А не боитесь? – спрашивал моряк.

– Чего?

– Дырки в правах, – показывал капитан на зашкаливавший спидометр.

– Нет. Мы движемся в режиме «зеленый свет». Нас ГАИ останавливать права не имеет.

– А как они узнают, что это именно вы?

– По номерам, – ответил довольный заданным вопросом и собой прапорщик. – У них специальные списки есть. Мы проходим по второй категории.

Периферийный брат только головой качал. Его, несмотря на последнюю должность на флоте, ГАИ не жаловало. Может, и вправду его родственник достиг чего-то в этой жизни.

К назначенным четырнадцати ноль-ноль подкатили к Конторе. К главному корпусу. Здесь генерал обычно не работал, но кабинет для пускания пыли в глаза имел.

– Так вот он какой, наш герой-подводник! – сказал генерал, выходя из-за стола.

Он был в штатском. Но очень дорогим штатском. Таком, что смотрелось ничуть не слабее генеральского мундира.

Прапорщик толкнул брата в спину.

– Капитан второго ранга Иванов по вашему приказанию...

– Брось горланить, капитан. Какой приказ? Никакого приказа не было. Была просьба, чтобы ты приехал. В гости. Точно, прапорщик?

– Так точно! Просьба!

– Ну вот видишь, мне твой брат тут такого про тебя порассказывал, что я решил с тобой познакомиться поближе. Ты как, не против, капитан?

– Никак нет.

– А раз нет – расслабься и перестань орать и есть меня глазами. Я не девка в мини-юбке, чтобы от меня взгляда не отрывать. Садись лучше и рассказывай, как там у вас дела на орденосном Тихоокеанском?

– Нормально, – пожал плечами капитан, незаметно оглядываясь по сторонам.

– А жизнь? Вообще.

– Нормально!

– Понятно, – вздохнул генерал. – Вот что, прапорщик, бери брата и вези его, как говорится, в неофициальную обстановку. На дачу, в баню. Попарьтесь там, пообщайтесь, расслабьтесь, а я вечером подъеду. Вместе и поужинаем. Понял?

– Так точно!

– Да не «так точно», а «хорошо». Ну или хотя бы – «ладно».

– Так точно! Ладно!

– Идите.

Братья развернулись кругом и зашагали по ковру к выходу.

Обстановка кабинета возымела нужное действие. А иначе зачем содержать кабинеты?

– Ну как? – спросил прапорщик брата в коридоре.

– На глаза давит. И на уши. Как при погружении на предельную глубину.

Глава 24

Строительство подземного схрона было завершено в условленный срок. Прапорщик Анисимов не был профессиональным строителем и не привык тянуть время сдачи объекта, оправдываясь объективными обстоятельствами – отсутствием стройматериалов, нехваткой автотранспорта, погодой, выданной накануне зарплатой.

* * *

Прапорщик Анисимов по специальности и призванию был военным. Военным разведчиком и диверсантом. И сроки, обозначенные часами и минутами, понимал буквально. Ноль-ноль – это было ноль-ноль, а не, к примеру, ноль один. И уж тем более не ноль два. В их деле опаздывать было не принято. Потому что от выполнения работы в срок или выхода в конкретную топографическую точку в конкретное время нередко зависела жизнь.

Если прапорщику Анисимову была поставлена задача оборудовать подземное хранилище к... он должен был успеть оборудовать его именно к этому времени. Минута в минуту. Хоть застрелись.

В эту условленную минуту самодеятельный метростроитель вынул из земли последний квадратный дециметр грунта и вбил последний закрепляющий колышек. Объект был сдан в срок.

Длинная галерея, начинавшаяся в погребе, заканчивалась обширной комнатой с обшитыми деревом стенами и засыпанным мелкими камнями полом. Вход в галерею был надежно закрыт и замаскирован. Второй выход из комнаты вел в заброшенный колодец, из которого, при необходимости и некоторой ловкости, можно было выбраться на поверхность земли.

Впервые за многие недели прапорщик позволил себе уснуть в будний день. И спать всю ночь.

Работа была закончена. Не досрочно. И не с опозданием. А тогда, когда нужно.

– Работа завершена, – доложили местному начальнику ГРУ.

– Вы уверены?

– Сегодня он не выносил из дома мешки. Сегодня он спал.

– Может, он заболел?

– Нет, он здоров.

– Сколько, по-вашему, он вытащил на поверхность грунта? В общей сложности?

– Не меньше двадцати пяти кубов.

Начальник ГРУ прикинул примерные размеры подземного помещения. Помещение выходило немаленьким.

– Продолжайте наблюдение. Если в течение трех дней он не продолжит работу, наблюдение можно будет снять.

Глава 25

Через неделю геологи-артельщики завершили основные работы. В окрестностях лагеря были установлены натяжные, срабатывающие на разрыв нити и акустические датчики. По дальнему периметру лагеря смонтирована индуктивная сигнализация, настроенная на приближение живого объекта весом свыше двадцати килограммов. На особо опасных направлениях поставлены хорошо замаскированные телекамеры.

Открытые, удобные для наступления подходы завалены искусственными буреломами. Путь возможного отхода – через обширное гиблое болото – оборудован скрытой от глаз гатью. Теперь довольно было извлечь из-под гнилого пня небольшую лебедку и смотать на нее двадцать метров троса, чтобы со дна болота поднялась металлическая ячеистая сетка, по которой, как по волшебной дорожке, можно было перейти наиболее опасные участки. Уйдя же от погони – обрубить закрепленный на противоположной стороне несущий трос и утопить металлическую тропу на дне, отсекая преследователей. Такой прием не раз спасал диверсантов, обложенных со всех сторон превосходящими силами противника.

Умный человек всегда вначале думает об отступлении и лишь потом об атаке. Идти вперед без заранее обеспеченной страховки не героизм – безрассудство, граничащее с глупостью. Артельщики не были ни глупцами, ни героями. Они были профессионалами.

Когда охранная техника была установлена, временная схема охраны лагеря была демонтирована, вместе с архаичными, времен пиратов и партизан с незаконченным начальным образованием «вороньими гнездами». Примитивизм хорош в живописи, но не в диверсионно-разведывательном деле. Как бы ни был внимателен и опытен живой наблюдатель, специальной техники он не заменит. Электроника не ошибается, не курит, выдавая огнем свое местоположение, и не задремывает под утро. Единственный недостаток охранной сигнализации, что она в отличие от наблюдателя не умеет отличать человека от случайного зверя. Ей что солдат с гранатометом, что лось, кабан или медведь – все едино: движущийся объект массой свыше двадцати килограммов. Поэтому при использовании приборов скрытого слежения дежурному караулу приходится бегать гораздо больше, чем когда работают просто наблюдатели. Но это все же менее опасно, чем пропуск противника на свою территорию по причине ротозейства часового.

И лишь после того, как была обеспечена надежная охрана лагеря, артельщики занялись собственно бытом.

Глава 26

Генерал прибыл в баню к ночи, когда братья Ивановы отдохнули уже очень основательно. Возможно, даже чересчур. Генерал переоделся в потертый спортивный костюм и сел за стол.

– За что пили?

– За папаню, маманю, за орденосный Тихоокеанский флот, – доложил прапорщик.

– За что будем пить?

– За вас, товарищ генерал.

– Тогда наливай.

Сухопутный генерал капитану-водолазу понравился. Пил наравне со всеми, погонями и должностью не кичился и вообще при ближайшем знакомстве оказался своим в доску парнем.

– Еще по одной?

– Еще.

– А вот, скажем, на глубину пятьдесят метров ты нырнуть можешь?

– Могу. Хоть даже в акваланге

– А глубже?

– Тогда в «тяжелом».

– В каком таком «тяжелом»?

– В том, который со шлангом и свинцовыми ботинками, – встрял, демонстрируя свою осведомленность, прапорщик. Мол, не зря на Дальний Восток ездил. – Я сам такой примерял. Тяжелый, зараза! Ноги не сдвинуть.

– Тогда еще по одной?

– Еще.

– А на сто метров можешь?

– Могу. Если применять инжекторно-регенеративное снаряжение, – воспроизвел капитан еще в молодости заученный параграф служебной инструкции.

– Что?

– Инженерно-дегенеративное, – повторил прапорщик, многозначительно задрав вверх палец.

– Причем до ста метров надо использовать воздушно-гелиевые дыхательные смеси, а если глубже – гелиево-кислородные.

– А глубже это сколько?

– А сколько надо?

– Например, двести!

– Двести – это много, это целый стакан! – услышал совершенно разомлевший прапорщик. – Я пас!

– И двести могу. Если из водолазного колокола.

– А двести пятьдесят?

– Нет. Потому что техника безопасности. Потому что запрещено.

– Я же не про то, запрещено или нет. Я про то, можешь ли ты. Способен ли.

– Я? Могу! Запросто. Я тебе по секрету скажу, только ты никому, что однажды... Утром протрезвевших братьев привели в уже знакомый им кабинет. За столом сидел генерал. Совсем не такой, что был в бане.

– Проходите, садитесь, – сухо предложил он. Братья, переглядываясь и силясь вспомнить, о чем таком они говорили вчера, уселись на краешек стульев.

– Долго задерживать я вас не хочу. Поэтому сразу скажу, что от вас требуется. Братья напряглись.

– Не много. Мне требуется собрать кое-какие оброненные на глубине двести пятьдесят – двести семьдесят метров вещички. Что вы на это скажете?

– Это невозможно! – ответил капитан второго ранга.

– Почему?

– Данные глубины превышают возможности используемого у нас водолазного снаряжения.

– Вчера вы говорили другое. Вчера вы рассказывали, что однажды...

– Это было нарушением существующих инструкций.

– Меня не интересуют инструкции. Меня интересует дело. Или вам бюрократические параграфы страшнее глубины?

Капитан потупил глаза.

– Так было то, о чем вы рассказывали, или вы хвастали?

– Было, – ответил моряк.

– Значит, погружение на данные глубины возможно?

– Возможно.

– Тогда я прошу вас помочь мне в деле, от которого зависит очень и очень многое.

– Я не могу решать подобные вопросы без согласования со своим непосредственным начальством.

– С начальством уже все согласовано. Они не против. Под вашу ответственность. Но я так понимаю, что если что-то случится, то нести эту ответственность уже будет некому. Так что вы ничем не рискуете. Кроме жизни.

– У меня нет соответствующего снаряжения.

– Снаряжение уже в пути.

– Что будет, если я откажусь?

– Я проведу служебное расследование по известным мне фактам нарушения техники безопасности. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Извини, капитан, но у меня нет другого выхода. Мне нужно то, что нужно. В случае удачи я гарантирую вам присвоение внеочередного звания, премию в размере годового оклада и свою признательность.

Капитан сцепил руки, положенные на стол, в кулаки. Прапорщик ошарашенно вертел головой, поглядывая то на брата, то на генерала.

– Когда я должен приступить к работе?

– Сейчас.

– Где будет производиться погружение?

– На Крайнем Севере. Точное местоположение объекта работ вам знать необязательно.

Вас доставят куда надо и обеспечат всем необходимым.

– Что я должен искать?

– Об этом вы узнаете на месте. Еще вопросы есть?

– Никак нет! Разрешите идти?

– Идите. И вот что еще. Я хочу надеяться, что, остыв, вы правильно расцените мой, внешне не самый благовидный, поступок. Речь идет не о моих капризах и даже не о моей карьере. Речь идет о безопасности государства. Которому служу я. И которому служите вы. Такая цель способна оправдать любые средства.

Глава 27

Ровно через пять суток после завершения подземных работ бывший прапорщик, а ныне официальный фермер и неофициальный шахтер-любитель Анисимов отправился на вокзал. На собственном, купленном по случаю грузовичке. Он не ждал дополнительных приглашений в багажку, он знал, что в этот конкретный день он должен туда прийти. И что там его будет ожидать груз. Который он заказывал в одной столичной, специализирующейся на поставке сельскохозяйственного оборудования фирме.

– На Анисимова что-нибудь есть?

– Есть. Заполняйте накладную. Анисимов заполнил все бумаги и получил груз, даже не заплатив за его хранение.

– Все бы клиенты были такими дисциплинированными, – вздохнули работники багажки. – Дня не просрочил! А у других груз неделями лежит, место занимая.

Анисимов погрузил в кузов несколько десятков ящиков, на которых была наклеена реклама той самой отправившей груз сельскохозяйственной фирмы.

– Ты никак разбогател? – завидовали наблюдавшие за погрузкой односельчане.

– Как же, разбогател! Последние портки продал, чтобы технику купить. Куда фермеру без нее? Не кофемолкой же урожай в муку перемалывать. А на мельнице, сами знаете, с нашего брата три шкуры дерут.

– Что верно, то верно...

Дома Анисимов распаковал ящики, в которых частью были импортные сельскохозяйственные машины, а частью другие, наглухо запакованные и опломбированные, ящики, которые он должен был перетащить в подземное хранилище.

Той же ночью с подворья удачливого фермера неизвестными злоумышленниками была похищена часть заморских сельхозмашин.

– Только сельскохозяйственные приспособления, – доложили начальнику местного ГРУ.

– Больше ничего?

– Больше ничего.

– Может, эти машины можно использовать еще как-нибудь, кроме как морковку шинковать? Может, их, приспособив к ним пару-тройку дополнительных элементов, можно использовать в качестве пусковой для ракет класса «земля – воздух»?

– Нет, только в качестве сельхозинвентаря.

– А вы уверены, что видели весь груз? Что вес полученного оборудования сходится с весом полученного груза. Того, что указан в накладной?

– Об этом мы как-то не подумали.

– Зря! В нашей профессии думать очень полезно.

Вес сельскохозяйственного оборудования и пришедшего по железной дороге груза не сошелся на несколько сот килограммов.

– На несколько центнеров? – переспросил по телефону московский начальник местного руководителя ГРУ. – Интересно, интересно. А на сколько точно?

– Точно установить не представляется возможным. Пока.

– Так, ты говоришь, сгрузил, привез и в дом затащил. А потом в сарай сложил?

– Ну да.

– А зачем ее в дом тащить, чтобы потом в сарай перетаскивать? А? Очень все это интересно. Ну ладно, спасибо тебе за информацию. И за помощь. Наблюдение можешь снять. Впрочем – нет. Одного кого-нибудь посмышленей оставь. Пусть посмотрит. Вдруг к нему кто в

гости заглянет. Или еще какая посылка придет. Или еще чего интересного приключится. Так что я на тебя надеюсь. И в гости жду. Лады?

– Будет сделано!

– Ну, тогда обо всем остальном мы в Москве поговорим. Если ты не против. Тут как раз учеба намечается. Для особо одаренных местных руководителей. Которым пора на повышение. Так я тебя вызову.

– Все будет сделано в самом лучшем виде!

– Ну, в этом-то я не сомневаюсь. Если за дело берется такой орел, как ты...

Местный начальник ГРУ слежку не снял. Более того, добавил в уже работающую бригаду еще пару человек. В качестве боевой учебы...

Глава 28

Две недели капитан второго ранга Иванов ползал по дну, словно рак-отшельник. Он погружался в восемь утра и до вечера не вылезал из царства Нептуна. Иногда ему начинало казаться, что от чрезмерного пребывания в воде у него скоро вырастут жабры.

Снова и снова он перебирал, передвигал, перещупывал камни, лежащие на дне. Квадрат за квадратом. Сантиметр за сантиметром. Кроме капитана, поиск вели еще несколько водолазов, но они были не в счет. Спрос был только с него.

Три раза капитан докладывал о завершении работ. И три раза генерал Федоров загонял его обратно под воду.

– Перепахайте все дно. Если надо – снимите грунт на два метра в глубину. Ни один посторонний предмет не должен быть потерян.

– Но я уже все вокруг обшарил! По два раза!

– Значит, обшарьте еще! Мне нужны гарантии качественного исполнения работы.

* * *

Капитан говорил «Есть!», разворачивался кругом и, проклиная все на свете, снова заползал в еще до конца не просохший водолазный скафандр.

Капитан не знал, что конкретно ему следует искать на дне. И поэтому он поднимал любой встретившийся ему предмет неприродного происхождения, будь то проржавевший кусок металла или сгнившая от времени доска. Более того, ему было приказано не пропускать придонные камни, на которых будут заметны какие-либо внешние дефекты: вмятины, царапины, свежие сколы и пр. И даже дохлых, разлагающихся на дне рыб он не должен был оставлять без внимания! Местоположение всех поднятых предметов фиксировалось на специальной карте-схеме с привязкой к заранее вбитым в дно по углам квадрата поиска металлическим кольям.

Капитан работал, как подводный дворник, начисто, до пылинки выметая порученную ему территорию. Весь найденный мусор он собирал в мелкочаистые капроновые корзины, которые поднимали с помощью лебедки на зависший над ним корабль. Там их, под присмотром офицеров разведки, рассортировывали и упаковывали в специальные герметичные контейнеры. С корабля вещдоки снимал вертолет. На ближайшем военном аэродроме происходила еще одна перегрузка – в попутный транспортный самолет, летевший рейсом на Москву. Таким образом, уже через сутки поднятые со дна далекого моря предметы оказывались на столе экспертов.

– Ну, что там у вас? – по несколько раз на дню спрашивал их генерал.

– Пока не ясно.

– Но что-то нашли?

– Все то же самое – деревянные и металлические обломки. Поврежденные камни.

– И что?

– Пока ничего сказать невозможно. Представленные предметы очень разнородны по форме и временной принадлежности. Для того, чтобы сделать окончательные выводы, мы должны располагать полным объемом экспертного материала.

– А если чего-то не будет хватать?

– Мы можем ошибиться.

Генерал снова вылетал на место работ. Торопить подводников.

Генерал нервничал. Он давно уже выбрал все отпущенные ему званием и должностью возможности. Он давно уже черпал из чужого кувшина. Налицо был перерасход средств, использование не по назначению личного состава и спецтехники. И еще масса других служебных злоупотреблений. Если в ближайшие дни не выдать на-гора результат, начальство, несмотря на дружеское к нему расположение, снимет с него голову. Чтобы свои не подставлять.

Три недели, отпущенные ему на «самодеятельность», истекли. Пошла четвертая...

Глава 29

Таежная база артельщиков мало напоминала лагерь геологов. Много больше партизанский отряд времен Второй мировой войны. Собственно говоря, по его лекалам база и возводилась, И примерно с теми же целями – для скрытой, долговременной, не без определенных удобств жизни.

В палатках, под ветром, дождем, а впоследствии снегом даже самый тренированный боец через пару месяцев захандрит, скиснет и потеряет былую боеспособность. Можно справиться с десятикратно превосходящим тебя числом противником, можно переждать непогоду, зарывшись в снег или прошлогоднюю листву, сутки или двое, но невозможно бесконечно долго противостоять неналаженному быту – тем самым голоду, холоду, мокроте, недосыпанию, которые совместными усилиями самого крепкого бойца могут превратить в хлюпающего носом неврастеника.

Артельщики строили лагерь на совесть. И на века.

Просторные, в рост человека жилые землянки с полуметровым навалом земли поверх крыш, с полом из уложенных вплотную друг к другу жердей. Вентиляция. Двухъярусные нары. Печки с рассеивателями дыма поверх труб и импровизированными сушилками возле топки. Два, в противоположные стороны, выхода: удобно устроенный, так, чтобы можно было пройти не сгибаясь, парадный и практически не различимый для не знающего о нем человека, величиной с кротовый ход – аварийный. В центре лагеря небольшой плац. Колодец. Камбуз. Баня. Чуть в отдалении еще одна землянка с крышей из четырех накатов толстых, в обхват, бревен – импровизированное, на случай штурма с применением тяжелой артиллерии, убежище.

Все как у Ковпака. Только не в Белоруссии, а в Сибири. И не в сорок втором году, а полвека спустя. Пригодился опыт Великой Отечественной войны. А многие думают, что о том времени все забыли, как о кошмарном сне. Как бы не так! Кому надо – помнят! И развивают былой опыт. Еще и диссертации на темы организации партизанского движения в глубоком тылу противника защищают. Под грифом «Совершенно секретно».

Эти рекомендации, с приложенными к ним чертежами и описаниями, и воплотили в жизнь таежные старатели. Один к одному. И это тоже была своего рода учеба. Максимально приближенная к реальным боевым условиям.

Глава 30

– Вот, смотрите, – сказали эксперты. – Эти обломки были найдены здесь. Эти здесь. Эти в сорока метрах северней. Здесь показаны траектории разброса отдельных фрагментов по периферии зоны. Здесь...

– Ну и что из всего этого следует? – перебил доклад генерал.

– Все это доказывает, что на глубине порядка пятнадцати-двадцати метров имел место взрыв, эквивалентный мощности взрыва пятнадцати килограммов тротила.

– Я и без вас знаю, что был взрыв. Мне причины его нужны. Отчего он произошел? – Здесь может быть выдвинуто несколько предположений. Первое и неоспоримое, что сработал заряд стационарного самоликвидатора в момент, когда транспортное средство погрузилось на запрограммированную для уничтожения глубину. Что практикуется для данного типа изделий.

– Это понятно. Это не надо мне объяснять.

– Второе, что предпосылки взрыва, возможно, были созданы искусственно.

– Не понял...

– Взрыв, вполне вероятно, не является случайностью.

– Почему вы так решили?

– Кнопка аварийного отключения взрывателя была заблокирована. А глубина запуска механизма включения самоликвидатора перепрограммирована незадолго до взрыва на величину меньшую, чем была зафиксирована предприятием-изготовителем.

– На сколько?

– С тридцати – на шестнадцать метров.

– Как вы это установили?

– Мы нашли обломки взрывателя.

– Где нашли?

– В рыбе.

– Где?!

– В погибшей в результате взрыва рыбе. Во внутренностях. Во взрывателе была заменена мембрана давления.

– Вы уверены, что она была заменена? Что это не ошибка?

– Абсолютно. Крепеж не соответствует месту посадки. Мембрана подогнана вручную. Причем довольно топорно.

Генерал напрягся. Это был первый звоночек! Глубина взрыва была перепрограммирована. На заведомо малую глубину. На шестнадцать метров. Кнопка блокировки самоликвидатора отключена.

Правда, это еще ничего не доказывает. В худшем случае – недобросовестность ремонтников, расконсервировавших матчасть и заменивших в последний момент неисправную деталь. И все-таки это зацепка...

– Для более полного моделирования происшествия мы, собрав все обломки, попытались восстановить изделие в его первоначальном виде. При этом около тридцати процентов обшивки и механизмов оказались невосполнимо утраченными. Десять – имели сомнительную принадлежность. Тем не менее по прочим уцелевшим фрагментам нам удалось воссоздать облик взорванной транспортной единицы. Частично воссоздать.

Эксперты продемонстрировали видеопленку и фотографии. В наборе изогнутых, скрученных в спираль уголков, в кусках присоединенного к ним рваного металла было сложно увидеть что-либо, кроме груды сданного в приемный пункт металлолома. Но генерал опознал изображение.

- Полупогружная десантная шлюпка. ПДШ-15 или 20. У нас тоже пара таких есть.
- Осмотр фрагментов подтвердил наши первоначальные выводы о взрыве заряда самоликвидатора. Характер повреждений и их направленность...
- Со взрывом все ясно. Что вы еще нашли?
- У вертикальных рулей была повреждена тяга. Вернее, не совсем повреждена.
- Ну!
- Вместо специальных гаек на крепежные болты были установлены стандартные гайки без стопоров. В принципе это не должно угрожать целостности механизма, но в случае определенного стечения обстоятельств может привести...
- К чему это может привести? Не тяните кота за хвост. К чему?!
- К самопроизвольному раскручиванию гаек и как результат – к заклиниванию рулей и неуправляемому погружению шлюпки.
- Это уже был не звонок – это был колокольный звон.
- При каких обстоятельствах гайка может раскрутиться?
- Например, в результате небольшого люфта болта. При вибрации. Особенно если не была использована особая, препятствующая движению гроверная шайба, или гайка была недостаточно крепко закручена, или резьбовые поверхности имели зазор. Правда, в этом случае гайки не должны были слететь синхронно...
- Гайки на месте были?
- Нет. Гаек не было. Мы нашли их отдельно от рулевого механизма.
- А шайбы? Те самые гроверные шайбы на болтах были?
- Нет. На поверхности гаек нет соответствующих, какие образуются при использовании гроверов, царапин. Шайб не было.
- Генерал кивнул головой.
- Болты, гайки и прилежащие части корпуса отдайте на дополнительную экспертизу. С целью установления времени и места изготовления. Все сделанные вами выводы запротоколируйте и пришлите мне. У вас все?
- Практически все. Если не считать одной не вполне понятной детали.
- Какой?
- Кроме идентифицированных фрагментов корпуса, останков людей и посторонних предметов, поднятых со дна, на месте катастрофы обнаружены металлические детали хозяйственного назначения.
- Какого-какого назначения?
- Хозяйственного.
- Кастрюли, что ли?
- Нет, трубы. Водопроводные.
- Трубы?!
- Да. Короткие обрезки проржавевших водопроводных труб.
- Много обнаружено?
- Порядка десятой части от веса всех поднятых со дна предметов.
- Откуда здесь трубам взяться? Может, когда-нибудь буксир затонул со строительным грузом? Или сухогруз, перевозивший металлолом?
- Нет, мы уточняли, в данных координатах за последние тридцать лет никакое судно бедствия не терпело.
- А течения?
- Течения отсутствуют.
- Так откуда они тогда здесь взялись?
- Мы предполагаем, что с десантной шлюпки.

– Металлолом? Со шлюпки? Зачем на десантной шлюпке перевозить обломки ржавых водопроводных труб? Это же не вторчерметовский грузовик. А десантники не пионеры. Может, вы ошиблись? Может, и не было никаких труб? Может, вы древний мусор со дна начерпали, а теперь голову над неразрешимой проблемой ломаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.